

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(РАНХиГС)

Комлева В.В., Беляева О.И., Комлева Е.А., Сикиринская К.А.

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ РЕГИОНАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА
ПРЕПРИНТ

Москва 2020

Аннотация. В работе предлагается авторская трактовка понятия «региональное неравенство» через категорию доступности, а именно доступности благ и услуг, которые оцениваются жителями регионов как необходимые для реализации их жизненных стратегий. В российской практике при оценке регионального развития, как правило, используются показатели для сравнения экономического благополучия жителей регионов, исходя их принципа «минимальности» а не их принципа «достаточности». Не оценивается степень доступности благ и услуг, связанных с возможностью обладания такими стратификационными характеристиками, как «деньги», «престиж» и «власть» (выделенными еще классиками научной мысли). Престиж связан, например, с показателями доступности образования, а «власть» связана, например, с показателями возможности общественного влияния на принятие политических, управленческих решений в регионе и на местах. Выявлено, что в зарубежном опыте (на примере стран Европейского Союза), как и в Российской Федерации, не учитываются показатели доступности ряда значимых благ и услуг. Авторами предложены направления оптимизации системы показателей оценки регионального неравенства в России.

Ключевые слова и словосочетания: неравенство, региональное неравенство, факторы неравенства, показатели неравенства, региональная политика, государственная политика, социальная стратификация, доступность благ и услуг, развитие регионов.

Abstract.

Key words and phrases:

Комлева В. В., руководитель НИР, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества ИГСУ РАНХиГС, д.с.н.

e-mail: komleva@ranepa.ru

Беляева О.И., доцент кафедры регионального управления ИГСУ РАНХиГС, к.э.н.

e-mail: belyaeva-oi@ranepa.ru

Комлева Е.А., специалист Российско-французского центра образования и консалтинга ИГСУ РАНХиГС

e-mail: komleva@ranepa.ru

Сикиринская К.А., ведущий специалист ИГСУ РАНХиГС

e-mail: sikirinskaya-ka@ranepa.ru

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2020 год.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
1 Методологические позиции исследования межрегионального неравенства	8
2 Оценка регионального неравенства в Российской Федерации	24
3 Совершенствование системы показателей неравенства регионов Российской Федерации	36
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	43
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	44

ТЕРМИНЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В настоящем отчете о НИР применяют следующие термины с соответствующими определениями:

- Доступность – равенство доступа и получения значимых благ и услуг всеми индивидами независимо от факторов, дифференцирующих их (социального и материального положения, территориального размещения и пр.).
- Методика оценки неравенства – система теоретических подходов и инструментов измерения показателей развития регионов.
- Региональная политика – законодательно оформленная система государственных мер, непосредственно направленная на решение задач комплексного развития регионов страны с помощью перераспределения ресурсов между регионами.
- Региональное неравенство – как оценка показателей социально-экономического развития, так и субъективно переживаемое большинством жителей региона (в нашем случае – субъекта РФ) недостаточные возможности для обладания значимыми благами и услугами для реализации жизненных стратегий.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ

В настоящем отчете о НИР применяются следующие сокращения и обозначения:

ВВП	– Валовый внутренний продукт
ВРП	– Валовый региональный продукт
ЕАЭС С	– Евразийский экономический союз
ЕС	– Европейский Союз
ИЧР	– Индекс человеческого развития
НИОКР	– Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
РИС	– Региональная инновационная система
РФ	– Российская Федерация
ШОС	– Шанхайская организация сотрудничества

ВВЕДЕНИЕ

Государственная политика развития регионов Российской Федерации исходит из множества социально-экономических, общественно-политических показателей развития региона. Ориентируясь на указанные показатели (в системе иных ориентиров), государство выстраивает стратегические приоритеты, перераспределяет ресурсы, определяет задачи развития регионов, разрабатывает модели регионального развития (выравнивания, стимулирования, сдерживания и др.). В этой связи полнота и комплексность показателей развития регионов приобретает критическое значение для точного и правильного выбора вектора развития того или иного региона, определения политики федерального центра в отношении регионов. Критическое значение обусловлено тем, что даже минимальные ошибки в отношении оценки и выбора приоритетов и моделей развития регионов приводят к серьезным проблемам демографического, социально-экономического, политического характера (отток населения, трудовых ресурсов, человеческого потенциала, снижение инвестиционной привлекательности и др.). Понимание и переживание населением последствий регионального неравенства в отдельных регионах приводит к обострению проблематики справедливости, акциям социального протеста, что, в итоге, может дестабилизировать региональные системы. В этой связи поиск полноценной, комплексной системы оценивания регионов, отражающей все стороны его развития, приобретает особое общественное значение.

Анализ имеющихся методик оценивания позволяет нам говорить об отсутствии в комплексной оценке регионов показателей доступности тех благ и услуг, которые оцениваются жителями регионов как необходимые для реализации их жизненных стратегий развития регионов. В управленческих решениях этот недостаток проявляется, например, в выборе показателей, по которым регионы подразделяются на благополучные и отстающие и в содержании решений, направленных на улучшение положения жителей регионов. Например, в индивидуальных программах социально-экономического развития десяти отстающих регионов России.

Практическая значимость исследования заключается в разработке предложений по расширению системы показателей развития регионов. Предлагается, например, включение в систему оценки развития регионов показателей доступности высшего образования (что рассматривается большинством граждан как условие жизненного успеха, а государством – как условие инновационного развития регионов и повышения человеческого капитала). Важным является включение показателей доступности цифровых услуг и технологий (что рассматривается гражданами как условие их включенности в современные процессы

коммуникации и экономики, а государством – как условие преодоления цифрового разрыва регионов и формирования новых видов экономики и региональной инфраструктуры профессией). Разработка способов получения и измерения этих и других показателей требует работы большого коллектива авторов, представляющих разные виды отраслей знаний, чтобы иметь возможность видеть регион как экосистему устойчивого развития, а не просто как территорию ряда экономических показателей.

Проблема устойчивого развития регионов значительно шире проблемы социально-экономического развития и для ее решения требуется комплексный подход, как к принятию решений, так и к мониторингу состояния и прогнозу развития регионов. Данная работа является попыткой формулирования новых подходов, сочетающих социологические, экономические, философские, политические воззрения.

1 Методологические позиции исследования межрегионального неравенства

Региональное неравенство рассматривается подавляющим большинством ученых как вид территориального неравенства, границы которого обозначены особенностями региональной системы. Как правило, региональное неравенство трактуется как различия регионов (субъектов РФ) в значимых показателях социально-экономического развития. По итогам сравнения выделяют два полюса: богатые регионы (в России это Москва и ведущие нефтегазодобывающие регионы (в условиях отсутствия мировых нефтяных кризисов и падения цен на нефть)) и бедные регионы (в России это многие регионы Нечерноземья, Кавказа, некоторые республики юга Европейской части страны и ряд территорий Сибири и Дальнего Востока).

Понятие неравенства регионов (или регионального неравенства, а если быть более точным – межрегионального неравенства) неоднократно становилось предметом научных дискуссий, анализ которых позволяет нам выработать базовые теоретические конструкции, необходимые для нашего исследования. С нашей точки зрения, региональное неравенство является пространственной интерпретацией социального неравенства. Одни из важнейших критериев, представляющих интерес – уровень жизни и степень благополучия жителей регионов, а также степень доступности наиболее важных услуг, благ, прав и свобод – все это можно оценить методами сравнительного анализа социально-экономических индикаторов и показателей¹.

Само слово «неравенство» означает разность в физических, социально-экономических и иных аспектах. Авторы многочисленных работ описывают инструменты, методы и подходы для преодоления региональных неравенств: Г.И. Поподько [1], З.Ф. Ибрагимова и М.В. Франц [2], П.М. Козырева и А.И. Смирнов [3], С.Г. Сафронов [4], М.И. Воейков [5], И.Г. Пивень [6], А.А. Шабунова, М.А. Ласточкина [7], В.А. Козловский [8] и др. Среди отечественных авторов можно выделить отдельно труды Н.В. Зубаревич, В.Н. Разумовского и Д.В. Севастьянова [9]. Из зарубежных авторов следует упомянуть Энтони Джеймса Венейблса и Пола Кругмана, известных разработчиков подходов в новой экономической географии.

Сформулируем ряд методологических позиций, на которые мы опирались в исследовании.

Первая методологическая позиция. Региональное неравенство – частный случай общей проблемы неравенства и справедливости. Философские основы такого подхода

¹ Комлева В.В. Теоретико-методологическое обоснование введения показателей доступности социальных благ и услуг в комплексную оценку развития регионов // Среднерусский вестник общественных наук. - 2020 том 15. - №4. - С.46-63

были заложены еще в работах Аристотеля и Платона [10], были развиты средневековыми богословами (Фома Аквинский [11], Дунс Скот[12], Уильям Оккам [13]), философами эпохи Возрождения (Николай Коперник[14], Николай Кузанский [15] и Эразм Роттердамский [16]) и Просвещения (Томас Гоббс [17], Джон Локк [18], Жан-Жак Руссо [19]), затем утилитаристами (Адам Смит [20], Дэвид Юм [21], Джон Стюарт Милль [22]). Среди авторов второй половины XX в. – начала XXI в., исследовавших проблему неравенства, отметим Тома Пикетти [23], Зигмунта Баумана, Лучано Галлино, Джозефа Стиглица [24], Амартия Сен, Массимо Монтанари, Жан Карпантье и Франсуа Лебрэн, Генри Киссинджера [25]. Проблемы социальной справедливости осмысливали Иммануил Кант[26], Адам Смит[27], Джон Стюарт Милль[28], Карл Маркс[29] и др. Значение трудов названных авторов в том, что они позволяют понять сущность и природу неравенства и справедливости, их инкорпорированность в общественные системы. Они заложили основы научного осмысления проблемы неравенства. Значительно позже проблема неравенства из философского осмысления перешла на уровень осмысления в отдельных отраслях знания, предметом исследования которых стали разные общественные сферы. В отношении неравенства регионов, прежде всего отметим, географический подход.

Подходы, разработанных в географии, для которых характерен географический детерминизм неравенства. Не только в научной и аналитической [30], но и в научно-популярной и публицистической литературе давно преобладает точка зрения, что геодетерминизм в чистом виде не может объяснять успехи и неудачи социально-экономического развития (см., например [31]). В то же время встречаются и публикации с упрощенным взглядом на ситуацию – как, например, серия книг известного публициста А.П.Паршева, где обосновывается исключительная природная обусловленность проблем [32,33,34]. Весьма аргументированный анализ динамики развития взглядов на природно-географический детерминизм представлен в работах Д.Н.Замятина [35,36].

Наиболее значимыми являются следующие географические теории и концепции развития территорий:

– концепция «центрального места» (предложенная немецким географом Вальтером Кристаллером в 1930-е гг.). Взаиморасположение городов непосредственно влияет на их место в иерархии поселений – что становится основой для формирования картины территориального неравенства [37, 38];

– теория поляризованного развития Джона Фридманна [39], который предложил различать «центральные регионы» и «периферийные регионы»;

– теории «полюсов роста» и «центров роста», объясняющие роль пространственных масштабов городов и их окрестностей. Теории «полюсов роста»

уделили внимание в своих исследованиях многие известные учёные. Первым сам термин «полнос роста» предложил французский исследователь Ф. Перру [40]. Дальнейшей конкретизацией теории полюсов роста занимались французские учёные Ж. Будвиль [41] и Х. Ласуэн [42];

– теория пространственной диффузии инноваций Т.Хёгерстранда (1950-1960-е гг.), объясняющая четыре стадии распространения инноваций на территории. Разным этапам диффузии соответствуют разные соотношения территориального неравенства [43,44,45];

– теории, объясняющие роль агломераций в развитии территорий и приращении богатства ее жителей. Как отмечает Е. Глезер, «городская плотность обеспечивает наиболее четкий путь от бедности к процветанию» [46];

– теория экономических «клубов», разработанная в европейской географической школе [47], но вполне применимая и для анализа российской действительности. Взаимодействие общеэкономических сил и региональных особенностей создает географию, состоящую из стран, регионов и городов-регионов, которые находятся на разных структурных позициях в ряду ролей и функций более широкой экономики и формируют «клубы» [48].

Таким образом, географические теории дают понимание зависимости между развитием регионов и природно-географическими особенностями, размещением населения, появлением центра и периферии и др. Отметим, что мы являемся сторонниками геоспациализма [36] и рассматриваем природно-климатический потенциал региона как предпосылку неравенства, как дополняющее обстоятельство, влияние которого существенно изменяется на разных этапах развития территории.

Для экономических исследований характерен анализ неравенства через теории и модели экономического регионального роста [43,49-57], среди которых в отношении территории отметим два подхода – неоклассический и кумулятивный.

В неоклассическом подходе центром исследования являются производственные функции региона в комплексе с пространственным развитием, а ведущее место в регулировании территориальных диспропорций отводится рыночным механизмам. В модели измерения регионального роста Дж.Бортса рассматриваются разные факторы, которые приводят к росту производственного потенциала экономической сферы регионов [43].

В кумулятивном подходе (основоположником считается Г.Мюрдаль[43].) основное значение придается пространственному аспекту. Первоочередное место занимают не

отрасли, корпорации и предприятия, а очаги и полюса роста, оси развития, агломерации, территориальная диффузия и т.п. Если в неоклассическом подходе при анализе факторов регионального экономического роста отдается предпочтение внешним силам (международная экономика, глобальный научно-технический прогресс и т.п.), то в кумулятивном подходе – внутренним (трудовые ресурсы, инновационность городов и т. п.). Х. Ричардсон, автор модели кумулятивной причинной обоснованности и А.Хиршман разделяют взгляды и идеи несбалансированного национального экономического роста (из-за нехватки многих ресурсов)[58,59], Дж.Фридманн с центрo-периферийной теорией [39], Х.Гирш с моделью «вулкана» и др [60, 61].

Начиная с 1990-х гг. в экономической науке появляются теории и модели, их можно условно разделить на две группы: группа «новая экономическая география» (во главе с П.Кругманом); группа «модели новых форм размещения производства» (основной теоретик – М.Портер).

«Новая экономическая география» (НЭГ) попыталась объединить теории международной торговли, промышленной организации и классические теории размещения, и ответить на вопрос, как же формируется сама ситуация территориальных диспропорций в экономическом развитии. П.Кругман разделил силы, влияющие на рост городов и регионов, на факторы «первой природы» (естественные преимущества: природные ресурсы и условия, особенно рельеф и климат, и географическое положение) и факторы «второй природы» (созданные человеческой деятельностью: агломерационный эффект, человеческий капитал, общественные институты, инфраструктура и т.п.) [62]. Экономисты и географы не раз указывали на важность некоторых идей НЭГ для понимания сущности регионального неравенства и планирования региональной политики, например, А.Г.Манаков[63], С. Кузнец [64]. Новая экономическая география еще более углубила поляризационные теории, включив транспортные издержки и исторические пути развития в обсуждение отношений центр-периферия [65,66]. Недостаток инноваций» является ключевым фактором, объясняющим экономические процессы периферии [67]

Обратимся к *политической экономии*, которая учитывала не только причины неравенства, но и роль государства, социальных групп и отдельных лиц в устранении причин и смягчении последствий неравенства. Экономический фактор неравенства был одним из первых, который проанализировал А. Смит [20] и рассмотрел его как основу для деления общества на классы. По его мнению, происхождение и богатство являются главными детерминантами неравенства. Д. Рикардо поддержал в своей работе трехклассовую социальную модель, состоящую из: землевладельцев, владельцев капитала, рабочих [68]. Т. Мальтус считал, что существование бедности среди масс и неравенство в

жизни общества проявляются не в дисбалансе по распределению национального дохода, а в действиях сил природы [69].

Еще один известный представитель данного направления исследований Дж. Ст. Милль в своей работе отмечал, что богатства полностью распределяются в соответствии с законами и обычаями данного общества, а главным источником бедности автор считает низкий уровень образования и завышенный уровень рождаемости [70].

Позицию Мальтуса и его единомышленников осуждали основоположники марксизма [71]. С точки зрения К. Маркса в основе конфликта между классами находится социальное неравенство [72], а капиталистический способ производства, стремление к максимизации прибыли и ее концентрации у отдельных классов не дает возможности искоренить бедность.

Поэтому в рамках экономических подходов были предложены методологические основы и система статистических показателей оценки неравенства территорий. Ожидается, что в будущем кумулятивный подход будет направлен на объединение своих достижений с достижениями в области различных гуманитарных и социальных наук. В частности, мы считаем, что социологический подход еще недостаточно используется для оценки различий в региональном развитии и принятия решений по сокращению неравенства.

Социологические теории. Основной вклад социологов в изучение неравенства связан с разработкой проблемы социального неравенства. Известны критерии социального неравенства, предложенные, например, М. Вебером (богатство, власть, престиж) [73] и Т. Парсонсом («качественные характеристики», «характеристики обладания») [73-75], поэтому нет необходимости тщательно изучать географию ряда социальных явлений. Вместе с тем мы видим, что регионы не исчезают вместе с глобализацией, а, наоборот, региональные социумы все более озабочены своей идентификацией, актуализируются понятия «региональная идентичность», «регионализм» и др. Современные исследования социального неравенства связаны с исследованием постиндустриального, информационного обществ, общества постмодерна и даже метамодерна.

Большая часть современных авторов приходят к выводу, что социальное неравенство стало заметно расти, появляются его новые виды и формы, например, в теории постиндустриального общества Д. Белла [76,77], М.Кастельс и Г.Терборн [75, 78, 79].

Если в середине XX века неравенство состояло, прежде всего, в материальном достатке, то уже в условиях «цифровизации», «сетевизации», индивидуализации большое значение приобретают факторы образования, компетентности, мобильности и т.п. На

современное социальное неравенство влияет произошедший раскол между традиционной «тяжелой современностью», с присущей ей стабильностью, с привязкой субъектов к месту, их обремененностью материальными благами, с одной стороны, и новой «легкой современностью», представители которой мобильны (и в географическом и в социальном пространстве) быстро адаптируются к меняющемуся миру, предпочитают нематериальные блага (личный опыт, знания, имидж и т. д.) [80,81].

Поддерживая позицию ученых о вхождении общества в «эпоху доступа», где ключевую роль играет социальная позиция, занимаемая в многочисленных сетях и зависящая от новой элиты («культурных посредников», представленных популярными медийными персонами, авторитетными рекламщиками и т.п. [82]), а также от индивидов и сообществ, контролирующих потоки в сетях (о таких ключевых акторах еще в 1950-е писал К.Левин, называя их «стражами», или «привратниками» [83]), мы предлагаем сосредоточить исследование регионального неравенства на категориях доступа и доступности и определить эти категории в центр методологии оценки регионального неравенства.

Вторая наша методологическая позиция. Неравенства осознаются и переживаются через категорию справедливого и несправедливого обладания свободами и правами, справедливого и несправедливого распределения благ и услуг и во многом зависит от представлений политических, экономических, социальных акторов о том, что справедливо, а что нет и, как писал Тома Пикетти, от взаимоотношений между этими агентами и от коллективного выбора, которой из этого проистекает. Справедливость складывается из того, что делают все заинтересованные агенты [23].

Джон Роулз [84] рассматривая работу общественных институтов, пришел к мысли, что «справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же, как истина – первая добродетель систем мысли». Индийский экономист Амарти Сен отметил, что понятие справедливости в конкретном обществе формируется за счёт сочетания институциональных качеств самого общества и реальных характеристик поведения индивидов [85].

Помимо распределительного аспекта благ, территориальная справедливость рассматривается также в связи с вопросами о государственных, и (реже) региональных границах, а также вопросами распоряжения природными ресурсами, имеющимися на территории (в недрах, в акватории) того или иного государства (региона) [86].

Все выше сказанное ставит перед нами исследовательские вопросы. Например, имеющиеся в России методики оценки равенства/неравенства регионов учитывают фактор справедливости или нет? И что именно надо оценивать, при оценке уровня

справедливости: удовлетворенность жителей политическими решениями, суммы трансферов на выравнивание социально-экономического развития регионов, политика выравнивания, сдерживания, стимулирования? Другой вопрос: все ли различия являются неравенством? Трансформируются ли различия и дифференциации территорий по разным признакам в неравенство?

Ответить на этот вопрос, как раз, и позволяет категория справедливости. С нашей точки зрения не всякие различия в значимых социально-экономических показателях (в том числе и региональных социумов) можно считать неравенством. Мы придерживаемся позиции, что неравенство – это различия, имеющие несправедливый характер.

Третья авторская методологическая позиция. Степень справедливости рассматривается через категорию достаточности. Следовательно, при оценке степени неравенства целесообразно вводить сравнительный анализ показателей, обеспечивающих качество жизни жителей регионов. «Достаточность» определяется государственными институтами через установление минимальных норм (МРОТ, «потребительской корзины», минимальной пенсии, минимальной стипендии, минимального уровня образования (общего среднего образования в России) и других «минимумов», на которые ориентируются при оценке справедливости, сравнивая положения в одних регионах с положениями в других. Допустим, это необходимое государственное решение для поддержания жизнеспособности и воспроизводства общественной системы. Но для выхода из положения «минимум» у человека должны быть возможности получения большего. Возникает вопрос: одинаковы ли возможности доступа для жителей разных регионов к основным благам и услугам, с помощью которых они могли бы выйти из установленного «минимума»? Для ответа на этот вопрос сначала следует выделить, какие блага и услуги позволяют людям выйти из положения «минимума» и потенциально могут определить их социально-экономический статус? Классический подход М.Вебера к стратификационным факторам общества в триаде «власть, деньги, престиж» заставляет нас задуматься, что сегодня позволяет поучить эти «власть, деньги, престиж». Ключевым в этом отношении, с нашей точки зрения, является доступность образовательных услуг (особенно услуг высшего профессионального образования), доступность цифровых ресурсов и технологий, доступность инноваций и возможность развития инновационного потенциала регионов, доступность качественных медицинских услуг; транспортно-логистическая доступность территорий. Еще в 1980-х гг. широкую известность получили исследования Ф.Ферраротти, который в теории корпоративного капитализма описал формирование новой формы неравенства – на основе степени знакомства с ключевой социальной информацией [76, 87].

Четвертая методологическая позиция. Неравенство целесообразно рассматривать через категорию доступа и доступности. Мы обозначили те сферы, доступность которых, на наш взгляд, определяет неравенство регионов. Что означают сами понятия доступ и доступность?

Доступ может трактоваться как возможность получить (обладать) определёнными благами, услугами, правовыми, свободами. В то время, как доступность, будучи тесно связанной с доступом, предполагает результат, то есть обладание, а просто возможность. Приведем пример. Выпускник сельской школы Костромской области хотел бы поступить в университет города Москвы. У него есть аттестат, он хорошо сдал ЕГЭ и имеет все формальные возможности поступить в московский университет. Допустим, он даже поступил для обучения на бюджетной основе. Однако, на жизнь в городе Москве у студента стоит в месяц примерно 25-30 тыс. рублей, а средний доход его семьи примерно 50 тыс. руб. (с одним родителем и того меньше) и она не может содержать ребенка в г. Москве. Таким образом, образование становится недоступным, хотя ребенок имел все формальные основания и московский вуз казался очень доступным. Мы привели пример при поступлении на бюджет. Поступление для обучения на договорной основе – нереально для большинства семей из депрессивных регионов. Таким образом, доступность как имманентная составляющая равенства и справедливости должна быть отражена в методике анализа проблем регионального неравенства, так как степень недоступности благ и услуг обуславливает степень неравенства.

Пятая методологическая позиция. Региональное неравенство не определяется только социально-экономическими показателями. Неравенство может определяться культурными, религиозными различиями, ограничением ряда прав и свобод, социально-психологическими особенностями, ментальностью некоторых групп населения в регионах. Разработка показателей оценки именно этих факторов весьма трудоемкий процесс и нередко ставит вопрос объективности анализа, так как трудно поддается приведению к статистическим данным.

Подводя итоги, отметим, что исследования регионального неравенства и факторов неравенства осмысливались еще в трудах античных исследований. В современных исследованиях неравенство рассматривается через природно-географические особенности, обуславливающие неравенство жителей конкретных территорий; через дифференциацию доходов, как различия людей в обеспеченности материальными благами и возможности удовлетворения своих потребностей; через характеристику социальной структуры общества, отображающаяся системой ранговых иерархических параметров индивида; как условия, при которых люди имеют не равный доступ к таким социальным

благам, как деньги, власть и престиж; как форма социальной дифференциации, при которой отдельные личности, социальные группы, слои, классы находятся на разных уровнях вертикальной социальной иерархии и имеют неравные жизненные шансы и возможности удовлетворения потребностей и т. д.

Факторы неравенства регионов

Анализ современных исследований позволяет нам утверждать, что в настоящее время ученые и практики все еще апеллируют факторами, рассмотренными в центрально-периферийной модели [88, 89, 90] и факторами, рассмотренными в «новой экономической географии» [91]. При этом часть современных исследований показывает, что различия в темпах роста региональных экономик развитых стран невелики, потому что они ориентированы на факторы «второй природы». К таким выводам пришел Всемирный банк еще в 2009 году [92].

Обобщение факторов неравенства «первой» и «второй» природы, по сути, представлено в работе Растворцевой С.Н. и Усманова Д.И [93], на рисунке 1.

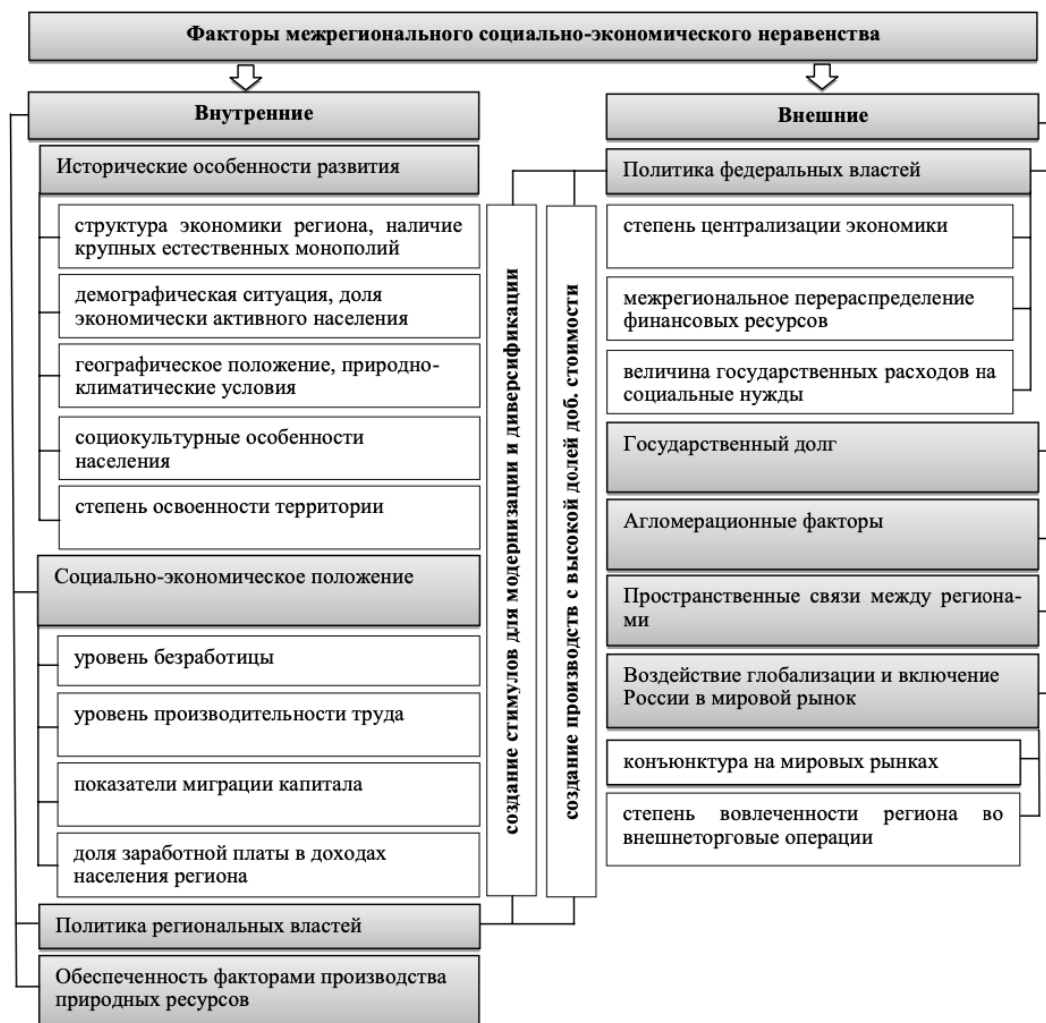

Рисунок 1 – Внутренние и внешние факторы межрегионального неравенства [93]

Работа указанных авторов писалась в 2015 году и думается, если бы авторы проводили исследование в настоящее время, то одним из ключевых внутренних факторов стал бы уровень и потенциал цифрового развития регионов.

Важным фактором, который может повлиять на уровень развития региона, является степень региональной специализации. Еще одним фактором, влияющим на развитие одного региона, является его производственная структура. Экспортные операции рассматриваются как важный фактор, способствующий возникновению региональных различий, независимо от рассматриваемого рынка (внешнего или международного). Источником возникновения все более заметных территориальных несоответствий является также наличие затрат, необходимых для получения регионального продукта, а также уровень экономической эффективности компаний. Длительность процесса индустриализации также представляет собой важный фактор, приводящий к тому, что некоторые категории региональных различий становятся более заметными.

В последнее время явным фактором, лежащим в основе возникновения региональных различий, является инновационный потенциал соответствующего региона, его способность создавать добавленную стоимость, особенно на основе исследований, разработок и инноваций. Поэтому в исследовании мы подробно рассматривали подходы к оценке инновационного развития регионов.

Оценка и анализ регионального неравенства является необходимым условием социально-экономического развития региона, которое можно рассматривать как процесс повышения качества и уровня жизни населения путем увеличения количества и качества общественных и частных благ и услуг, которые находятся в распоряжении населения конкретного региона. С целью анализа российских и зарубежных методик оценивания неравенства регионов нами были рассмотрены российские и зарубежные подходы, в частности, опыт Европейского Союза [94- 96].

Показатели и система оценивания неравенства регионов в Европейском Союзе

При реализации социальной и экономической политики ЕС используется ряд показателей, динамика которых отражает уровень неравенства в регионах. Один из основных показателей – уровень развития государства-члена ЕС. В основном, определяется ВВП на душу населения, который может быть ниже или выше 75% от среднего показателя по стране, а также важен объем финансовых средств, который можно потратить на проекты развития территории. Интересным аспектом исследования является попытка включить уровень неравенства непосредственно в анализ данных, с тем чтобы изучить возможные компромиссы между ростом ВВП на душу населения и неравенством.

Другим индикатором является доля жителей в регионах, в которых валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения ниже 75% от уровня среднего ВРП по стране. Если в 1995 г. эта доля в ЕС составляла около 25%, что уже свидетельствует о высокой степени региональной дифференциации, то к 2020 году этот показатель снизился до 10%. [97]

Еще один показатель, который используется в европейской практике для измерения степени социально-экономической дифференциации в регионе – это уровень безработицы. По данным Евростата – статистического бюро Европейского союза – уровень безработицы в ЕС-28 в мае 2019 г. снизился на 0,6% в годовом исчислении, составив 6,3% (15,7 млн чел.) [98]. Отметим, что уровень безработицы в РФ по данным Росстата в июне 2019 года составил 4,5%, снизившись на 0,4% [99]. На рисунке 3 представлена карта неравенства регионов ЕС в 2016 году по классификации NUTS2 [100,101].

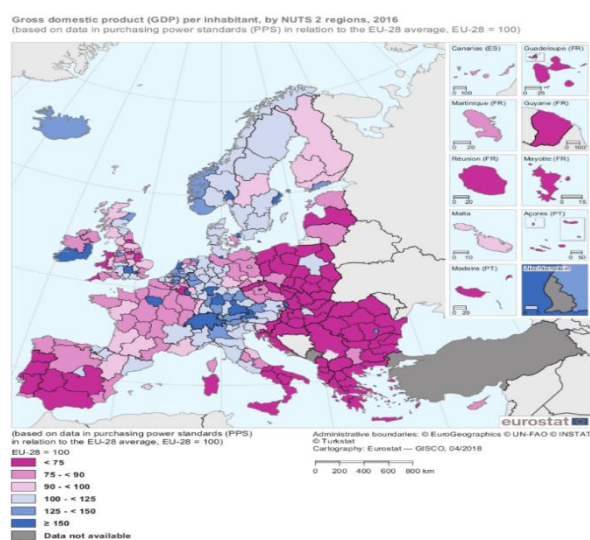

Рисунок 3 – Карта неравенства регионов ЕС по классификации NUTS2 [101]

В качестве инструментов политики для «выравнивания» регионов, в ЕС можно рассматривать не только специализированные программы (PHARE, ISPA, SAPARD) и Структурные фонды, участвующие в перераспределении финансовых ресурсов, но и общие принципы построения Европейского Союза [102].

Региональная политика по регулированию социально-экономического неравенства в странах ЕС ограничивается двумя компонентами:

- осуществление наднациональной региональной политики ЕС в стране;
- специфическая политика внутри стран, связанная с определенными особенностями каждой из них.

Приведем краткий обзор различных типов региональной политики в рамках ЕС в табл. 1.

Таблица 1 – Типы региональной политики в Европе, проводимой странами [103]

№	Тип региональной политики	Проблема	Страны
1	Политика регионального развития	Видные региональные различия	Германия, Испания, Италия, Норвегия, Финляндия, Швеция
2	Региональная политика конкурентоспособности	Разнообразные территориальные вызовы	Бельгия, Великобритания, Франция.
3	Национальная политика конкурентоспособности	Незначительные региональные различия	Австрия, Дания, Люксембург, Нидерланды.
4	Национальная политика в области развития	Различные географические вопросы	Греция, Ирландия, Кипр, Мальта, Португалия, Словения.
5	Национальная политика в области роста/развития	Усиление региональных различий	Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Чехия, Эстония.

В таблице 1 представлена типология стран с категориями, основанными на их территориальных вызовах, политической приверженности территориальному развитию и национальных подходах к региональной политике.

По первой категории стран- региональные различия приняты в качестве основного направления пространственно-дифференцированной политики, и где существуют хорошо финансируемые внутренние инструменты региональной политики.

Ко второй категории относятся страны – с различными территориальными проблемами (реструктуризация старой промышленности, развитие сельских районов, возрождение городов, периферийность). Основное внимание уделяется региональной или субрегиональной (местной) конкурентоспособности.

Третья категория включает небольшие процветающие европейские страны с незначительными региональными различиями. Приоритет отдается повышению национальной конкурентоспособности, особое внимание уделяется социальной сплоченности, а основная поддержка оказывается бизнес-среде. В странах действует сильная система фискального выравнивания, которая на практике оказывает выравнивающий эффект по регионам.

Четвертая категория охватывает страны с важными географическими проблемами в контексте ЕС (периферийность, замкнутость) или внутри страны (острова, горные районы, изолированные регионы, доминирование столицы). В центре внимания политики экономического развития находится национальное развитие и конкурентоспособность, хотя некоторые внутренние различия могут быть значительными и привлекать повышенное внимание региональной политики [103].

Последняя категория - это более отстающие страны по сравнению со средними показателями по ЕС, в которых наблюдается увеличение территориальных диспропорций,

особенно между центральными и периферийными регионами. В некоторых странах, (особенно в Польше) внутреннее неравенство приобретает более высокий политический и стратегический характер, и появляются более сильные внутренние стратегии и программы регионального развития.

Таким образом, мы видим, что национальные правительства в Европе разработали различные виды региональной политики в отношении целей, стратегий, приоритетов, управления и используемых инструментов. Из вышесказанного следует, что подходы в политике смягчения социально-экономического неравенства могут быть реализованы как на местном и национальном уровнях, так и на наднациональном (в случае с ЕС).

Помимо этого, стоит упомянуть важное направление государственной политики социально-экономического развития регионов – *селективную политику*. Она отличается от общей региональной политики тем, что носит избирательное назначение, в зависимости от степени социально-экономического развития регионов страны по отношению друг к другу. Относительно региона воздействия данной политикой она подразделяется на два типа: выравнивающую и поляризующую.

Политика *поляризации* направлена на стимулирование тех регионов, которые имеют наибольший потенциал экономического развития, к максимальному увеличению национального дохода. Государство воздействует на территории – лидеры роста и стимулирует развитие внутренних территорий крупнейших агломераций, а также внедряет масштабные программы, основанные на «полюсах роста» [104].

Политика *выравнивания* направлена на то, чтобы вывести регионы страны на похожий уровень экономического развития и инвестиционного потенциала. Однако перед проведением этой политики перед каждой страной стоит непростая задача – выбор регионов-объектов этой политики, поскольку этот выбор формирует определенный набор инструментов политики. Подавляющее большинство стран подразделяют проблемные регионы на несколько подтипов: депрессивные аграрные, депрессивные промышленные и перенаселенные городские районы [104]. Политика выравнивания подразделяется на два вида: *стимулирующую и сдерживающую*. Что касается политики сдерживания, то в данном случае попытка реализации принципа социальной справедливости, упомянутого выше, связана с ограничением роста экономического потенциала крупных городов (мегаполисов), городских агломераций [105].

Оценка неравенства региональных инновационных систем: зарубежный опыт

В 1942 г. Дж. Шумпетер [106] ввел понятие «инновационной экономики», что стало одной из основ оценки инновационных регионов. Региональные инновационные системы (РИС), рассмотренные в трудах Лундвалла в 1992 году [107], Ф. Листа [108],

стали базой для последующего развития концепции «Тройной спирали» (Triple Helix) [109]. Большой вклад внести работы Исаксена А., Фримена С., Охмае К., Долорекс Д. и М. Портера [110- 114]. «Тройная спираль» рассматривает активную взаимосвязь между университетами, промышленностью и государством как главное условие инновационного развития. Формальное трехчастное определение РИС предложил профессор П. Кук [115, 116], а Долорекс Д. обосновал разную степень развитости регионов, соответственно, говорил о разных РИС [117]. Традиционно выделяются только три «классических» региональных инновационных систем: Силиконовая долина, Эмилия-Романья и Баден-Вюртемберг.

РИС обладает определёнными характеристиками [114, 115, 118, 119]: РИС имеет границы и эффект близости; в системе РИС присутствуют обязательные элементы (трудовые ресурсы, школы, фирмы и т.д.) со своими характеристиками и систематическим взаимодействием между собой, включая интерактивное обучение; РИС – открытая система, она активно взаимодействует с внешним миром.

Функционирование систем инноваций и формирование потенциала может либо устранить, либо усугубить неравенство [120]. Интересно, что в России есть примеры отрицательной корреляции между развитием НТИ и усугублением межрегионального неравенства. К примеру, Приволжский федеральный округ является одним из ведущих макрорегионов по инновационной активности, однако уровень дохода на душу населения в 3 раза ниже, чем в Москве. На сегодняшний день регионы с явным профилем производства, такие как Северо-Западный или Приволжский федеральный округ (75% и 69% от общего объема промышленного производства на душу населения соответственно) больше вовлечены в науку и образование. Для сравнения: Уральский и Дальневосточный федеральные округа более развиты в области природных ресурсов (51% и 57% от общего объема промышленного производства на душу населения соответственно) [121]. В них меньше вузов и научно-исследовательских учреждений, а также меньший удельный вес студентов и ученых в населении. Российский пример показывает, что в отличие от концепции неравенства, обусловленного инновациями, дефицит инноваций остаётся решающим фактором неравенства.

Стимулирование инновационной деятельности в регионе способствует снижению регионального неравенства за счет обеспечения сбалансированного экономического роста территорий и вовлеченности в него разных групп регионального социума. Один из основных источников, к которому обращаются ученые и аналитики – это инновационные региональные рейтинги. В России известны два основных рейтинга, которые измеряют инновационную активность регионов. Это Рейтинг инновационного развития субъектов

РФ [94] (РИРС РФ), выпускаемый ВШЭ, и Рейтинг инновационных регионов России [122] (РИРР), разработанный Ассоциацией инновационных регионов России. РИРР уделяет особое внимание инновационному развитию регионов, которые являются членами Ассоциации, в то время как РИРС РФ анализирует инновационную активность для всех регионов. Показатели РИРС РФ разделены на 4 субиндекса: социально-экономические условия инновационной деятельности, научно-технический потенциал, качество инновационной политики, экспортная активность, инновационная деятельность.

В Европейском союзе регионы разделены по уровню инновационной активности, как и в РИРР. Всего существует 4 уровня: инновационный лидер, сильный инноватор, средний инноватор и скромный инноватор (перечисление по мере снижения уровня инновационной активности). Инновационная политика в отношении региона осуществляется в зависимости от этих уровней, однако критерии оценки инновационной деятельности одинаковы для всех регионов. Эти критерии представлены в Региональном инновационном рейтинге (РИР) [123], который является региональным продолжением Европейского инновационного рейтинга (ЕИС). Характеристики предприятий важны для объяснения различий в расходах на НИОКР и инновационную деятельность. Более крупные предприятия более склонны к инновационной деятельности. ОЭСР также предлагает статистику по региональным инновациям, но не в форме рейтинга, а в форме статистических данных [124].

В Американском проекте «Innovation 2.0» предложили иной, по сравнению с выше рассмотренными, подход к выбору показателей. Применяются такие показатели, как индексы формирования и динамики предприятий, плотность высокоскоростного соединения, распространение знаний, сила кластеров [125].

Таким образом, региональная инновационная система является важнейшей частью формирования инвестиционного климата, отражает способность региона к эффективному развитию. Существующие рейтинги зачастую имеют разную направленность, поскольку оценивают или текущую инновационную активность региона, или возможность региона создавать инновации. Теми же индикаторами зачастую измеряется и инновационная активность, инновационное неравенство [120]. Исследователи могут использовать либо меры по затрачиваемым ресурсам, такие как расходы на НИОКР (Mansfield), либо результаты инноваций, такие как патенты (Griliches) [126].

Таким образом, процесс разработки селективной региональной политики государства подразумевает достижение баланса между политиками выравнивания и поляризации, который определяется приоритетными направлениями на данном этапе развития государства – иными словами или уменьшение расхождений между регионами,

или максимизация роста национальной экономики. Однако следует отметить, что, несмотря на общие закономерности социально-экономического развития, как например «социализация» рыночной экономики, очень трудно распространить принцип единства институциональных преобразований, поскольку каждая страна обладает уникальными особенностями своего социально-экономического развития. А это предписывает поиск «своей» модели развития с учетом специфики условий.

К региональному инновационному неравенству, вероятно, лучше всего подходить на более традиционной экономической основе развития, обогащая ее социальными показателями в зависимости от проблем в регионе. Вместе с тем, отметим нашу позицию, что невозможно оценить именно неравенство РИС, потому что любая региональная система – несет в себе инновационный потенциал. Сам рейтинг инновационных систем представляет собой неточное отражение разности регионов в инновационном развитии. И без сравнительной оценки инновационного потенциала, условий для развития инноваций и реального развития инноваций неравенства РИС не будет комплексной.

2 Оценка регионального неравенства в Российской Федерации

Для оценки регионального неравенства широко используются статистические методы и показатели экономического роста и региональной дифференциации. Рассмотрим комплекс различных социально-экономических методов, представленных в таблице, для разработки методики оценки социально-экономического неравенства регионов. Таблица 2 построена на основе изучения данных социально-экономического неравенства регионов, представленных в российской экономической литературе. Проведя анализ 10 наиболее содержательных научных работ авторов, исследовавших вопросы регионального неравенства [127-136], были систематизированы методы исследования, после чего был проведен количественный анализ упоминаний того или иного метода. В итоге были определены наиболее и наименее часто используемые методы измерения неравенства регионов. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Обзор методов исследования социально-экономического неравенства регионов

Методы исследования	Научные работы, авторы										Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Комплексная оценка уровня социально-экономического развития	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	10
Индекс Джини по квинтильным группам населения (20%), кривая Лоренца	+	+	+	+		+	+	+	+	+	9
Метод логарифмирования			+	+		+	+				4
Анализ динамики показателей	+		+			+	+			+	5
Коэффициент корреляции	+		+	+		+	+	+	+	+	8
Экспертные методы (методы прямой и косвенной оценки коэффициентов, экспертно-статистический метод)	+		+	+	+	+	+	+			7
Методы распознавания образов (кластерный анализ, методы многомерного шкалирования)	+	+	+	+		+		+		+	7
Отношение минимального и максимального значения	+	+			+	+	+	+		+	7
Метод перцентилей	+	+	+	+		+	+	+		+	8
Децильный коэффициент неравенства доходов	+	+		+	+		+				5
Итого	9	6	8	8	4	9	9	7	3	7	

Таким образом, путем простых подсчетов, было выявлено, что наиболее часто используемыми методами являются: комплексная оценка уровня социально-экономического развития, индекс Джини, анализ динамики показателей, метод перцентилей, распознавания образов, экспертные методы. Далее, рассмотрим данные методы подробнее.

Метод комплексной оценки уровня социально-экономического развития – включает в себя многочисленный перечень показателей, пример которых представлен в таблице 3.

Таблица 3 – Показатели, используемые для расчета методики комплексной оценки уровня социально-экономического развития [137]

1. Производственный блок	
–	ВРП (с учетом уровня покупательной способности) на душу населения;
–	объем внешнеторгового оборота на душу населения;
–	финансовая обеспеченность региона (с учетом уровня покупательной способности) на душу населения;
–	объем розничного товарооборота и платных услуг (с учетом уровня покупательной способности) на душу населения.
2. Ресурсно-инфраструктурный блок	
–	объем инвестиций в основной капитал на душу населения;
–	доля занятых на малых предприятиях в общей численности занятых в экономике (% к общей численности занятых в экономике);
–	основные фонды отраслей экономики (по полной балансовой стоимости, с учетом степени удорожания капитальных затрат) на душу населения;
–	коэффициент плотности автомобильных дорог (коэф. Энгеля);
3. Социальный блок	
–	уровень регистрируемой безработицы (% к экономически активному населению);
–	соотношение среднедушевых доходов и среднедушевого прожиточного минимума;
–	доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (%);
–	обеспеченность местами детей, находящихся в дошкольных учреждениях (мест на 1000 детей дошкольного возраста);
–	выпуск специалистов высшими и государственными средними учебными заведениями
–	(спец. на 10 тыс. чел. населения);
–	обеспеченность населения врачами и средним мед. персоналом (на 10 тыс. чел. населения);
–	обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями (число посещений за смену на 10 тыс. чел.).

Коэффициент корреляции описывает связь между двумя случайными величинами (простой) или между одной случайной величиной и их группой (множественный).

Метод перцентилей – способ посмотреть на данные в отношении ко всем другим значениям набора данных, при их слишком плотном распределении. С помощью данного метода удобно определять необходимые границы, либо же минимальные и максимальные значения, заданного параметра.

Индекс Джини по квинтильным группам населения – индекс распределения общего объема денежных доходов по различным группам населения – показатель в процентах доли общего объема денежных доходов, которой обладает каждая из двадцати-процентных (квинтильных) групп населения. Этот показатель основан на *кривой Лоренца*, которую экономист наглядно представил в виде кривой фактического распределения дохода (см. рисунок 4).

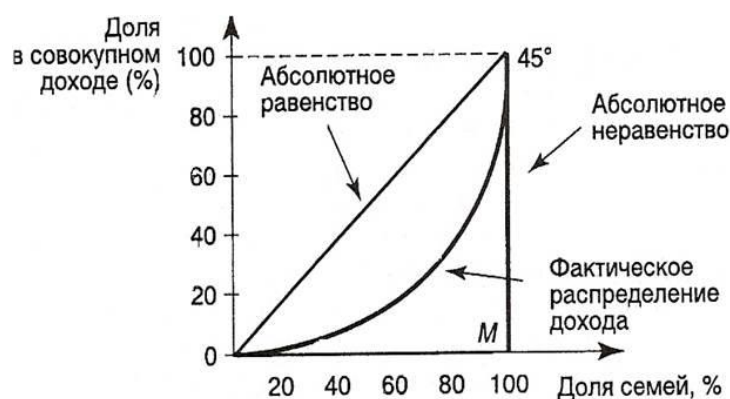

Рисунок 4– Кривая Лоренца [138]

Кривая Лоренца, в свою очередь, является кривой распределения доходов, которая отражает долю доходов, относящихся к группам по уровням благосостояния.

Экспертные методы (методы прямой и косвенной оценки коэффициентов, экспертно-статистический метод) – такие методы организации работы со специалистами-экспертами и способы обработки мнений экспертов, при которых реализуется исследование с целью подготовки информации для принятия решений по исследуемым вопросам.

Методы распознавания образов – представляют собой выявление объектов по нескольким критериям или классам.

Авторами были также рассмотрены методы, которые реже встречаются в исследованиях, но тем не менее имеют большое значение по результативности и содержанию альтернативных, количественных и качественных показателей. К ним можно отнести: *метод логарифмирования, анализ динамики показателей, децильный коэффициент неравенства доходов (ДКНД)*.

Отметим, что многие из перечисленных выше методов оценки структурно сложны, поскольку в них используется большое количество показателей, зачастую не отражающих полноту и степень истинных причин социально-экономической дифференциации в регионах.

Аналогичный анализ был проведен при выявлении наиболее и наименее часто используемых показателей, которые упоминаются в российской литературе. Результаты анализа представлены в Таблице 4.

Таблица 4 – Обзор показателей социально-экономического неравенства регионов

Показатели	Научные работы, авторы										Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	10
Среднедушевые денежные доходы с поправкой на межрегиональные	+			+		+	+	+	+	+	7

различия цен											
Уровень промышленного производства (объем продукции) на душу населения	+	+	+				+				4
Доход населения	+						+	+	+		5
Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)	+				+	+	+	+			5
Ожидаемая продолжительность жизни	+	+	+				+		+		5
Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (%) в общей численности населения	+				+	+	+		+		6
Финансовая обеспеченность региона с учетом паритета покупательной способности на душу населения	+		+					+			3
Объем внешнеторгового оборота на душу населения	+		+				+	+	+		5
Уровень регистрируемой безработицы (доля безработных в численности экономически активного населения)	+						+		+	+	5
Итого	10	3	5	3	3	7	8	7	4	5	

По материалам таблицы 4, можно увидеть, что наиболее часто используемыми показателями являются: ВРП на душу населения, среднедушевые доходы населения, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, ИРЧП, ожидаемая продолжительность жизни.

Наиболее широко используемым и общепринятым показателем социально-экономических различий в регионах является величина валового регионального продукта на душу населения (ВРП), а также применение метода комплексной оценки уровня социально-экономического развития. С 2001 года данный метод регулярно используется на практике в качестве официально признанного инструмента мониторинга социально-экономического статуса российских регионов [139].

Для более полного понимания степени неравенства необходимо определить комплекс основных показателей, характеризующих социальную ситуацию в регионе, разбив их на группы.

Первая группа – это показатели, касающиеся *качества жизни*, соотношения полученных доходов и расходов на желаемые блага и услуги. Эти показатели позволяют оценить степень достаточности доходов для качества жизни по регионам.

Следующая группа показателей – это те, которые характеризуют *качество рынка труда и условия труда в регионе*.

Следующую группу составляют *демографические показатели*: плотность населения; абсолютные и относительные показатели миграции населения; коэффициенты прибытия, выбытия и механического прироста; средняя продолжительность жизни в регионе; показатели рождаемости и смертности в регионе и т.д.

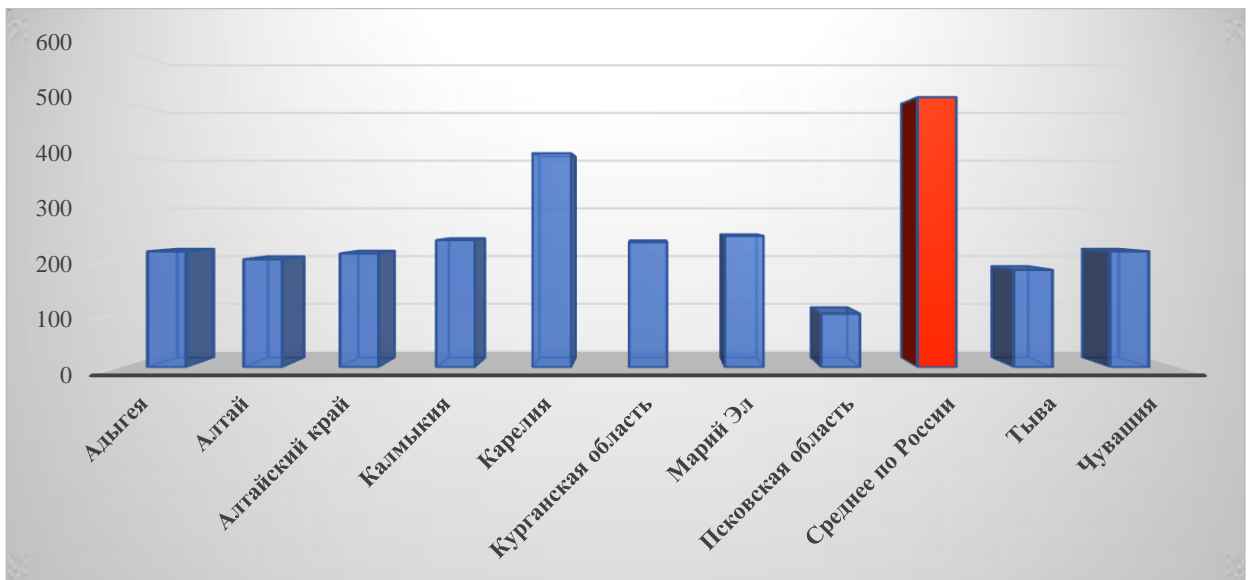
Важными являются показатели состояния сфер *образования* (доля жителей региона с высшим образованием; число учебных заведений разных ступеней образования; число обучающихся граждан в данных заведениях) и *здравоохранения* (число медицинских учреждений; обеспеченность этих учреждений мед. персоналом; уровень смертности; наличие необходимого оборудования и т. д.) в регионе.

Еще одной важной группой показателей являются *показатели социальной напряженности*. К ним можно отнести: уровень преступности и количество социальных конфликтов в регионе, динамика открытых социальных протестов и др. Целесообразно использовать показатель – *индекс социального самочувствия*, применяемый, как в зарубежной, так и в отечественной социологической науке. В РФ исследованием данного индекса занимается ВЦИОМ – всероссийский центр изучения общественного мнения [140].

Таким образом, мы видим, что критерии неравенства условно можно разделить на экономические и социальные, хотя каждый из них имеют множество взаимосвязей. В современной науке чаще всего применяются те критерии, которые проще и быстрее вычислить, которые максимально объективизированы, например, связанные со сбором и анализом статистических данных, их динамикой, проведением социальных опросов населения и т.д.

В 2019 году Правительство РФ обозначило 10 депрессивных регионов России на основании наихудших показателей по среднедушевым доходам жителей, безработице, доле населения с доходами ниже прожиточного минимума, инвестициям в основной капитал. К таким регионам были отнесены Адыгея, Алтай, Калмыкия, Алтайский край, Карелия, Чувашия, Тува, Курганская область, Марий Эл и Псковская область. По данным на октябрь 2019 года им на решение острых проблем планировалось выделить на пять лет 100 млрд рублей. В начале 2020 года Мишустин поручил кабинету министров подготовить программы развития регионов с проблемами в экономике: до 2024 года им будет выделено по 5 млрд руб [141,142]

На рисунке 5 представлены показатели валового регионального продукта (ВРП) на душу населения в 2018 году в каждом из депрессивных регионов.

Примечание – Составлено по материалам [143]

Рисунок 5 – ВРП на душу населения в 2018 году (тыс. руб.)

Для того чтобы сделать график более наглядным, приведены средние данные по России. Таким образом, мы видим, что ни один из регионов не только не превышает среднего показателя по стране, но даже не находится близко к среднему значению. Наибольшее значение в 2018 году зафиксировано в Республике Карелия, а наименьшее в Псковской области.

10 депрессивных регионов РФ в сравнении с регионом-лидером Москвой демонстрирует сильнейшие диспропорции на рисунке 6.

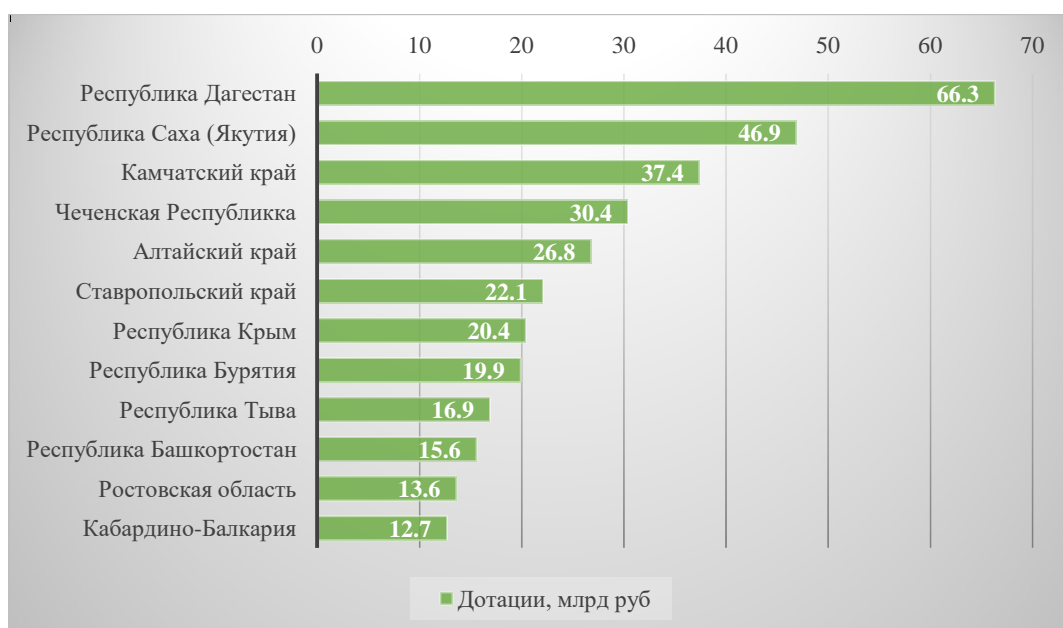

Примечание – Составлено по материалам [143]

Рисунок 6 – Показатели безработицы и доли населения с доходами ниже прожиточного минимума в депрессивных регионах РФ в сравнении с регионом-лидером Москвой в 2018 году

Как видим, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в депрессивных регионах составляет от минимума в 12,8% в Адыгее и достигает максимума в 34,4% населения в Республике Тыва, тогда как в Москве данный показатель составляет лишь 6,8% населения.

Важнейшим инструментом выравнивания регионов является *приоритетное финансирование из федерального бюджета отстающих регионов*. В соответствии с Бюджетным кодексом РФ [144] из федерального бюджета выделяются «дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности». На 2019 год сумма выделяемых дотаций для регионов выглядит так, на рисунке 7.

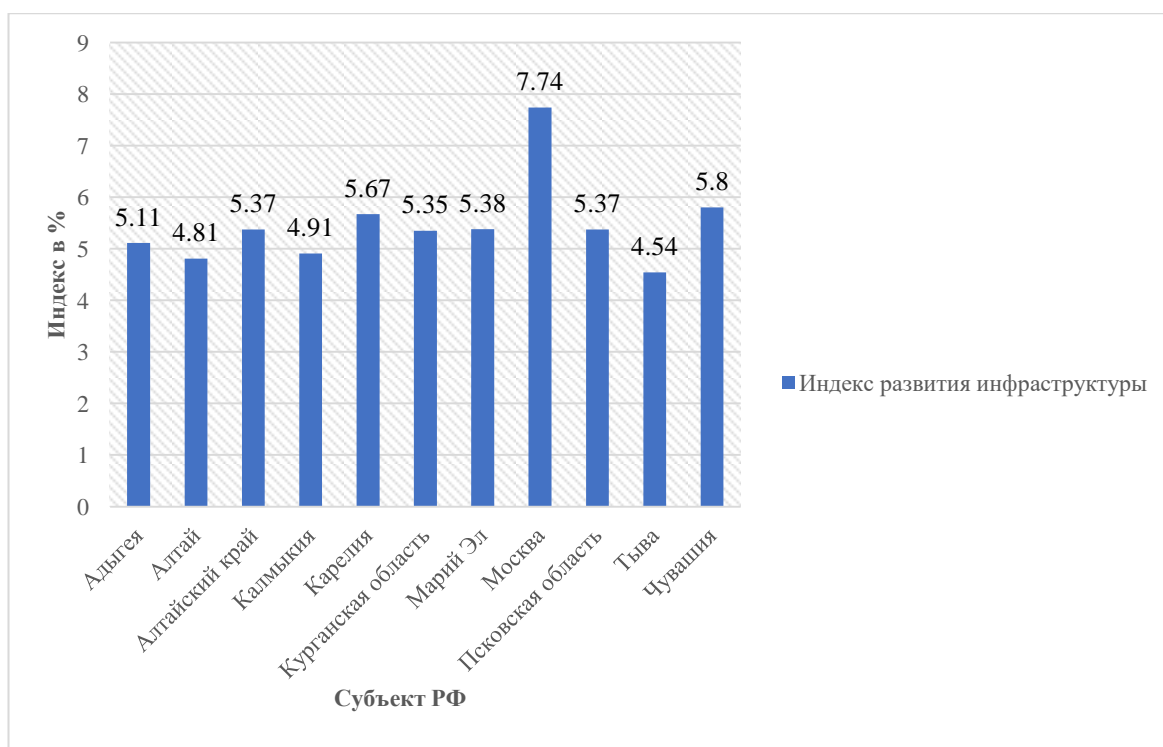

Примечание – Составлено по материалам [145]

Рисунок 7 – Сумма дотаций регионам в 2019 году, млрд руб.

При расчете дотаций исходят из показателей: численность населения, налоговый потенциал, планируемые расходы. В 2019 году дотации из бюджета получили 72 региона из 85, а оставшиеся 13 регионов являлись донорами, среди них Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Москва и Санкт-Петербург с областями, Татарстан и еще 6 регионов.

Кроме указанных показателей в отношении депрессивных регионов отметим еще такой показатель, как развитие инфраструктуры. На рисунке 8 показан график с показателями индекса инфраструктуры, на котором наглядно отображены отстающие позиции депрессивных регионов. Самый низкий показатель зафиксирован в Республике Тыва – 4,54 против самого высокого показателя в Москве в 7,74.

Примечание – составлено по материалам [146]

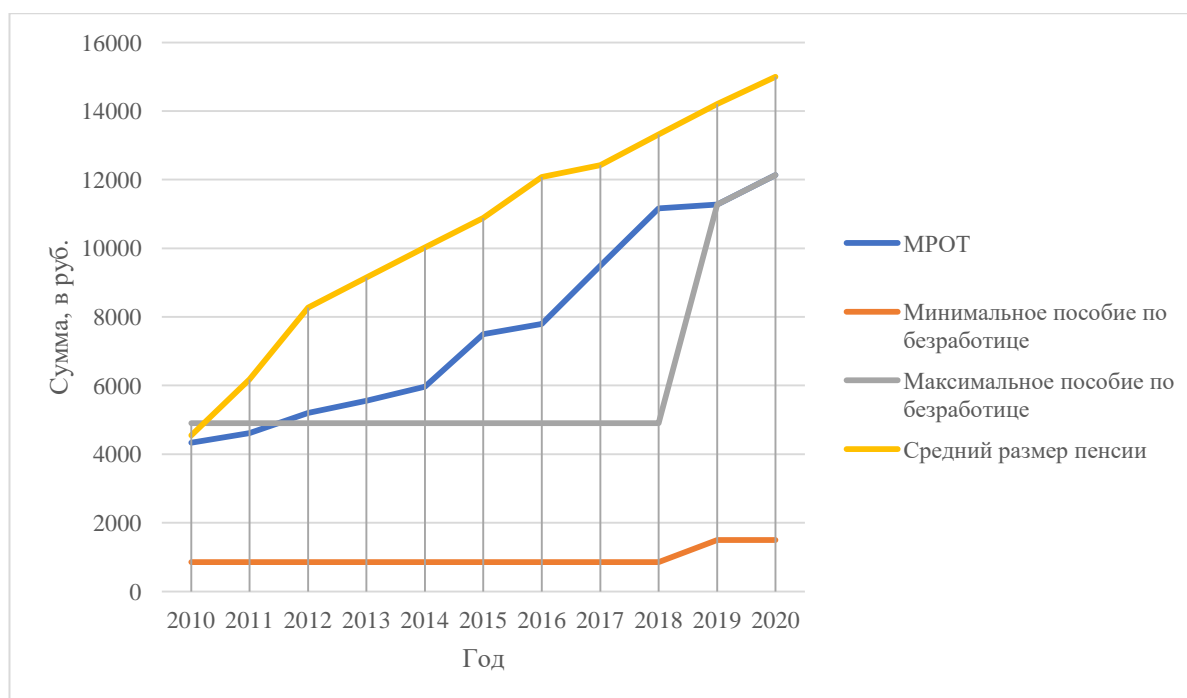
Рисунок 8 – Индекс развития инфраструктуры в 10 депрессивных регионах РФ в 2019 году

Согласно решению Правительства РФ, в отношении каждого депрессивного региона разработаны индивидуальные программы развития. Например, индивидуальная программа социально-экономического развития Республики Тыва утверждена на 2020-2024 год [147]. Предполагается, что это должно повысить качество жизни населения и сократить уровень бедности в республике.

Показатели безработицы и МРОТ являются важными при разработке мер по борьбе с неравенством. Например, с 2019 года запущена госпрограмма «Содействие занятости населения», основными пунктами которой являются: постепенное увеличение размера МРОТ; увеличение пособий по безработице [148- 150].

По данным на февраль 2020 года в соответствии с Международной Организацией Труда уровень безработицы в РФ составил 4,6% [151]. По данным Росстата, за 2019 год самое высокое значение было зафиксировано в Республике Ингушетия – 26,5%, что в 20 раз превышает показатель безработицы в Москве (1,3%) – самом благополучном регионе с этой точки зрения. Таким образом, территориальное неравенство – это важный фактор в обеспечении доступа к рабочим местам.

Если говорить о пособиях безработным, то до последнего времени их размер оставался на очень низком уровне, не меняясь с 2009 года, когда максимальный размер пособия составлял 44% от прожиточного минимума трудоспособного населения, а минимальный – всего 7,6% (см .рисунок 9) [152]

Примечание – составлено авторами по материалам [152]

Рисунок 9 – Динамика основных показателей в трудовой сфере
2010-2020 гг.

Однако, в соответствии с постановлением премьер-министра РФ, с 1.04.2020 года максимальный размер пособия по безработице приравнен к МРОТ. Это одна из мер, которая была предложена президентом в связи с распространением эпидемии коронавируса [153]

С 2019 года существует госпрограмма «Социальная поддержка граждан» в рамках которой на 2020 год планируется выделить почти 1,5 трлн. рублей из федерального бюджета. Основные пункты в данной программе относятся к увеличению пособий по уходу за ребенком, со-финансирование «социального контракта», региональные социальные доплаты к пенсиям и др [154].

В одной из классификаций, приведенной в исследовании Леоновой Ж.К. и др. приведена типология регионов с неопределившимися перспективами, как регионы, которые «находятся в полной зависимости от квалификации и управленческого профессионализма региональных властей» [155].

Совокупность данных рейтингов позволяет проанализировать социально-экономическое положение региона в контексте самых перспективных направлений развития. Проведем сопоставление этой группы регионов по позициям в разных рейтингах, данные приведены в таблице 5.

Таблица 5 – Сопоставление субъектов РФ с неопределившимися перспективами в разных рейтингах

Субъект РФ	AV RCI 2019 (эталон – Москва – 5)	Национальный туристический рейтинг 2019 (эталон – Москва – 114,7)	Рейтинг эффективности управления в субъектах РФ 2019 (эталон – Тюмень – 0,796)	Рейтинг инновационных регионов России (эталон – Санкт-Петербург – 0,68) (инноваторы)	Рейтинг качества жизни в регионах 2019 (РИА-рейтинг)	Рейтинг регионов по вовлеченности населения в малый бизнес 2020 (РИА-рейтинг)-место
Мурманская область	1,72 (42 место)	56,7 (48 место)	0,602 (44 место)	0,34 (ср.-слабый)	36	68
Курская область	1,55 (46 место)	51,8 (50 место)	0,61 (38-39 место)	0,4 (средний)	20	60
Владимирская область	1,7 (43 место)	76,6 (26 место)	0,542 (65 место)	0,43 (средний)	33	19
Удмуртская Республика	1,88 (38 место)	51,3 (52 место)	0,529 (68 место)	0,43 (ср.-сильный)	39	16
Тверская область	1,39 (55 место)	85,3 (18 место)	0,637 (31 место)	0,39 (средний)	58	31
Архангельская область	1,47 (52 место)	49,6 (54 место)	0,356 (85 место)	0,41 (средний)	74	46
Ульяновская область	1,85 (39 место)	63,2 (36 место)	0,511 (71 место)	0,54 (ср.-сильный)	29	33
Пензенская область	1,65 (44 место)	47,8 (57 место)	0,596 (47-48 место)	0,43 (средний)	37	25
Рязанская область	1,49 (51 место)	58,2 (44 место)	0,562 (62 место)	0,44 (ср.-сильный)	26	22
Смоленская область	1,26 (60 место)	41,8 (63 место)	0,573 (55 место)	0,38 (средний)	35	18
Кировская область	1,45 (53 место)	49,7 (53 место)	0,596 (47-48 место)	0,42 (средний)	60	27
Астраханская область	1,62 (45 место)	58,1 (45 место)	0,62 (35 место)	0,37 (средний)	54	75
Тамбовская область	1,54 (47 место)	31,7 (74 место)	0,627 (34 место)	0,42 (средний)	43	57
Псковская область	0,66 (75 место)	62,4 (38 место)	0,59 (50-51 место)	0,31 (ср.-слабый)	55	11
Республика Бурятия	1,31 (57 место)	62,3 (39 место)	0,431 (80 место)	0,36 (средний)	77	72
Республика Карелия	1,35 (56 место)	73 (29 место)	0,419 (82 место)	0,33 (ср.-слабый)	73	20
Костромская область	0,96 (68 место)	45,8 (58 место)	0,588 (52-53 место)	0,31 (ср.-слабый)	62	26
Республика Хакасия	1,23 (61 место)	41,4 (65 место)	0,428 (81 место)	0,27 (ср.-слабый)	57	73
Республика Адыгея	0,63 (77 место)	28,7 (75 место)	0,528 (69 место)	0,26 (ср.-слабый)	27	65
Ивановская область	1,14 (65 место)	43,7 (61 место)	0,584 (54 место)	0,36 (средний)	52	17

Примечание – Составлено авторами

Таким образом, детальный анализ регионального неравенства в данной группе регионов на основе рейтингов показал следующее: регионы с неопределившимися перспективами «зажаты» сильными конкурентами, что мешает их выходу на рынок ввиду схожести конъюнктуры; регионы имеют относительно высокий уровень качества жизни ввиду трудовой мобильности и самозанятости граждан; инновационное развитие в этих регионах затруднено, однако высока доля вовлеченности населения в малый и средний

бизнес; эффективность управления в данных субъектах крайне важна, однако ее показатели занимают средние и нижние строчки рейтинга; культурный и туристический потенциал реализован не полностью.

Соответственно, резюмируя, можно утверждать, что стратегическое управление в данных регионах должно опираться, в том числе, на самоорганизацию населения. Развитие инновационной инфраструктуры должно осуществляться путем реализации здесь временных крупных проектов (олимпиады, конкурсы и т.п.).

Наряду с рассмотренными показателями, предлагаем оценивать логистические особенности регионов, в частности, их *транспортную доступность*, значение которой обозначено в Транспортной стратегии РФ, в Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г, целевых программах развития транспорта и других стратегических документах. В США и Канаде, например, для термина «транспортная доступность» применяется понятие «transport affordability». В одной из теорий размещения производства (автор – немецкий экономист В. Лаунхардт) транспортный фактор – один из определяющих [157,158]. Развитие региональных транспортных систем (РТС) оказывает влияние на смежные регионы и обеспечивает связь с периферийными регионами, изменяя структуру транспортных затрат на отдельных маршрутах [94]. По европейским меркам российская транспортная сеть является достаточно развитой, но имеет видимые диспропорции [159].

В универсальных подходах к оценке транспортной доступности регионов выделяют следующие *критерии*: оценка времени в пути, ценообразование и условия тарифа, расчёт интегрального показателя транспортной доступности регионов страны, показывающий совокупные транспортные издержки. Одним из методов оценки транспортно-логистического потенциала является метод критериальной оценки [160], который определяет уровень необходимого внедрения новых технологических элементов для максимальной экономической отдачи. Распространённым способом расчета является метод оценки транспортных показателей региона. Методом подсчета показателя доступности является расчет на основе статистических стандартных данных или индикаторов. За основу могут быть приняты индикаторы обеспеченности транспортной инфраструктурой, связности транспортной сети, густоты транспортных линий [161].

Оценка региональных условий развития транспортно-логистического комплекса может быть оценена с помощью вычисления *регионального транспортно-логистического индекса* (РТЛИ). Расчет уровня транспортной доступности регионов России, проведенный П. А. Лавриненко и др. на основе статистических данных [162,163] в 2019 г. показывает, что наиболее высокая доступность наблюдается в Москве и Московской области.

Следующие регионы по уровню транспортной доступности: Калужская, Владимирская, Рязанская и Тульская области, а самой низкой доступностью обладает Камчатский край и Магаданская область. Структура транспортной доступности выглядит очень логично по принципу центр-периферия. Москва как более густонаселённый город, обладает более развитой сетью, далее идут районы, которые располагаются недалеко от Москвы. Наиболее труднодоступными регионами оказались субъекты РФ, расположенные на Дальнем Востоке либо Крайнем Севере, где численность населения невысокая, а строительство транспортной сети является труднодоступным по ряду факторов и погодных условий.

Необходимость оценки транспортной доступности обусловлена конечной целью - выявлением уровня «транспортной доступности» в регионах для дальнейшего использования при принятии решений о строительстве, модернизации или выборе альтернативной возможности со стороны различных категорий домашних хозяйств и фирм [164], что сказывается, в целом, на устойчивом развитии региона.

Подводя итоги, отметим, что методика оценки регионального неравенства, на основе которой выделяются показатели для сравнения регионов и предлагаются решения проблем регионов в недостаточной степени отражают собственно проблему неравенства. Исходя из принятой нами позиции, что проблема неравенства связана с проблемой недостаточности (или отсутствия) доступности тех благ и услуг, которые позволяют человеку чувствовать себя равным, а распределение благ и услуг оценивать, как справедливое, мы делаем вывод, что методики оценки неравенства регионов, по результатам которой принимаются решения, недостаточна для принятия более эффективных решений в отношении смягчения последствий неравенства. Принимая во внимание, что факторами стратификации являются богатство, власть, престиж, образование, мы понимаем, что используемые в России критерии оценки развития регионов, учитывают только один фактор стратификации – богатство.

В оценке развития регионов не оценивается (а если и оценивается), то не отражается, например, в индивидуальных программах развития отстающих регионов России, степень доступности высшего образования, политических институтов (что нередко коррелирует с наличием высшего образования), доступность сфер деятельности, которые престижны (мы можем рассуждать, что любой труд престижен, но престижные профессии считаются наиболее значимыми и за это общество награждает их большими благами. Помяная, какие профессии престижны в нашем обществе, мы снова касаемся темы высшего образования и темы трансформации общественного мнения и распределения ресурсов в новые престижные профессии).

3 Совершенствование системы показателей неравенства регионов Российской Федерации

В целях совершенствования существующих методических подходов к оценке регионального неравенства следует разработать и обосновать систему критериев и индикаторов, которая содержательно и структурно будет соответствовать сложности региона, как объекта исследования. Проведя исследование большого количества экономических и социальных показателей регионального неравенства, авторы пришли к выводу, что необходимо применять такой подход к оценке регионального неравенства, который сможет учитывать многомерность с помощью множества социальных и экономических показателей, которые объединяются в интегральный индекс.

Авторами разработана модель, включающая в себя 6 основных этапов в целях планирования развития и реализации оценки регионального неравенства с учетом важнейших критериев неравенства, которые необходимо учитывать при проведении оценки (рис. 10).

Рисунок 10 – Поэтапная модель реализации параметрического подхода к оценке регионального неравенства

Цель представленной модели – показать необходимость последовательного выполнения отдельных этапов оценки регионального неравенства с учетом выявленных важнейших критериев неравенства в выбранных регионах.

Нами предлагаются следующие типы методических подходов к оценке регионального неравенства. В таблице 6 указан основной фактор оценки, направление и методический подход к оценке регионального неравенства.

Таблица 6 – Типология методических подходов к оценке регионального неравенства

<i>Подход к оценке</i>	<i>Направление (фактор) оценки</i>	<i>Применяемые методы</i>
<i>Экономический</i>	Рассчитываются разные экономические показатели неравенства, к примеру, уровень инвестиций, уровень ВРП и прочие.	Оценка и анализ статистической информации происходит путем рейтингования, ранжирования, метода многомерной средней и др.
<i>Устойчивого развития</i>	Рассматривает экономическую основу регионального развития, социальную и экологическую в совокупности показателей	Происходит поэтапный расчет групп индикаторов по достижению целей и задач устойчивого развития территории, с последующей группировкой в агрегированные показатели
<i>Социальной стратификации</i>	Внимание уделяется социальным показателям неравенства, включая бедность и качество жизни, а также идет рассмотрение показателей с точки зрения обеспечения доступности основных социальных благ и справедливости их распределения: образование, здравоохранение, жилье, ЖКХ и др.	Измерение происходит через сопоставление статистических показателей, качества и уровня жизни по регионам. Методы социологического опроса, интервью и другие.
<i>Сравнительный</i>	Основан на сравнении оцениваемого региона с аналогичными регионами в стране или в других странах на основе сравнительного анализа сопоставимых показателей и индикаторов оценки	Применяются методы рейтингования, ранжирования, экспертный метод и др.
<i>Интегральный</i>	Это подход, учитывающий не только экономические индикаторы, но и социальные составляющие, экологические, правовые, политические и прочие	Оценка происходит через расчет разных интегральных показателей (индекс Джини, индекс человеческого развития, индекс качества жизни и другие) методами аддитивной свертки показателей, балльной оценки, многомерной средней и другие методы.
<i>Параметрический подход</i>	Авторский подход, учитывающий разные параметры, влияющие на неравенство в сравнении с целевыми и эталонными значениями по направлениям различных факторов неравенства	В основе авторского подхода лежит метод поэтапной аддитивной свертки показателей, нормирования показателей, балльной оценки.

В целях дальнейшего исследования проблематики оценки регионального неравенства, по мнению авторов, целесообразно придерживаться именно параметрического подхода (с большим количеством параметров и показателей) с последующим расчетом интегрального индикатора неравенства, который обосновывается несколькими основными аспектами.

Для разработки методических основ оценки регионального неравенства на основе параметрического подхода авторами предлагается следующая система показателей, которая структурно разворачивается в четыре уровня. Схематично представлена на рисунке 11.

Примечание – составлено автором

Рисунок 11 – Схема формирования сводного индикатора регионального неравенства

Таким образом, интегральный индекс регионального неравенства предлагается рассчитывать на основе 50 частных показателя неравенства (разработанных, в основном, на основе доступных данных Росстата и официальных показателей по достижению целей устойчивого развития), объединенных в 10 основных факторов регионального неравенства, сгруппированным по 4 сводным индикаторам неравенства.

Разработанная система показателей представлена таблице 7.

Таблица 7 – Разработанная система показателей для оценки регионального неравенства в рамках параметрического подхода

СИН*	ФНР**	Частный показатель неравенства (ЧПН)	Ед. измерения
Эффективность экономики и политики	Экономическая эффективность	Валовой региональный продукт на душу населения	Рублей
		Инвестиции в основной капитал на душу населения	Рублей
		Уровень занятости трудоспособного населения	%
		Доля занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, в общей численности населения	%
		Удовлетворенность населения деятельностью органов	% от числа

		исполнительной власти субъекта РФ	опрошенных	
		Уровень доверия к власти (Президенту РФ, высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ	% От числа опрошенных	
		Доля женщин на руководящих должностях органов исполнительной и законодательной власти субъекта РФ	%	
		Уровень коррупции в регионе	Качест. шкала	
		Доля городов с благоприятной городской средой	%	
		Оценка экологического состояния региона	Качест. шкала	
<i>Социальное неравенство</i>	<i>Демографический фактор</i>	Естественный прирост населения	Чел.	
		Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Лет	
		Ожидаемая продолжительность здоровой жизни	Число лет	
		Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину)	Чел.	
		Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни	%	
	<i>Доступность культуры и спорта</i>	Численность зрителей театров и число посещений музеев на 1000 человек населения	Чел.	
		Число спортивных сооружений на 1000 чел. населения	Шт.	
		Плоскостные спортивные сооружения (площадки и поля) на 1000 чел.	Ед.	
		Оценка доступности услуг в сфере культуры и спорта жителями региона	%	
	<i>Доступность образования и медицины</i>	Валовой коэффициент охвата дошкольным образованием, в процентах от численности детей в возрасте 1 – 6 лет	%	
		Коэффициент охвата населения образованием по программе основного общего образования	%	
		Численность студентов на 1000 человек населения	Чел.	
		Число больничных коек (на 1000 человек)	Ед.	
		Число медицинских работников на душу населения	Чел.	
		Оценка доступности услуг в сфере медицины и образования	%	
	<i>Инновационное развитие</i>	<i>Развитие науки и инноваций</i>	Оценка доступности высшего образования в регионе	%
			Доля исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности российских исследователей	%
			Внутренние затраты на научные исследования и разработки в % от бюджетных расходов	%
Доля расходов на основные услуги (образование, здравоохранение и социальную защиту) в общей сумме государственных расходов			%	
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе обследованных организаций			%	
<i>Цифровая доступность</i>		Используемые передовые производственные технологии	Ед.	
		Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1000 человек населения	Ед.	
		Доля населения, охваченного мобильными сетями	%	
		Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»	%	
<i>Качество и уровень жизни</i>	<i>Благосостояние населения</i>	Структура использования денежных доходов населения (приобретение недвижимости) в % от общего объема денежных доходов	%	
		Доступность престижных профессий (вакансий) в регионе	%	
		Среднедушевые денежные доходы населения в месяц	Рублей	
		Реальная среднемесячная начисленная заработная плата работников в месяц	Рублей	
		Численность населения с денежными доходами выше величины прожиточного минимума в % от общей численности населения субъекта РФ	%	
	Достаточность доходов для реализации жизненной стратегии	%		
<i>Обеспеченность</i>		Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя на конец года	Кв. метров	

		Удельный вес жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда, не относящегося к аварийному	%
		Удельный вес площади жилищного фонда, оборудованной водопроводом, в общей площади всего жилищного фонда	%
		Уровень доступности жилья (доля населения, ежемесячный доход которого превышает минимальный доход)	%
	Транспортная доступность	Число автобусов общего пользования на 100 000 человек населения	Шт.
		Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием (на 1000 км ² территории)	Км путей
		Объем транспортных услуг на душу населения	Руб.
		Доля населения, имеющего удобный доступ к общественному транспорту	%
Число собственных легковых автомобилей (на 1000 человек населения)	Шт.		

Примечание – разработано авторами, где: *Сводный индикатор регионального неравенства; **Фактор неравенства региона

Предлагаемая авторами методика оценки регионального неравенства в рамках параметрического подхода базируется на методе аддитивной свертки, включает в себя следующие этапы.

1 этап. Нормирование показателей. Приведение частных показателей неравенства к единой шкале оценки. Необходимо рассчитать размер отклонений фактически полученных показателей от эталонных значений для региона (лучших по стране, нормативных) по формуле (1):

$$S_n = \left(\frac{ЧПН_{факт.n}}{ЧПН_{этал.n}} - 1 \right) \times 100 \quad (1)$$

где S_n – отклонение фактически полученного значения n-го частного показателя неравенства от планового значения, %;

ЧПН факт.n – значение n-го частного показателя неравенства (фактическое);

ЧПН этал.n – значение n-го частного показателя неравенства (эталонное, нормативное, целевое).

После проведения необходимых расчетов необходимо преобразовать полученные отклонения в систему балльных оценок. Для этого авторами разработана шкала с интервалом 0 – 5 баллов (таблица 8).

Таблица 8 – Шкала соотношения значений отклонений частных показателей неравенства и приведения их к балльной оценке

Отклонение ЧПН (%)	Качественная характеристика ЧПН	Балл {0–5}
20 и менее	Эталонный	5
20–39	Высокий	4
40–59	Умеренный	3
60–79	Низкий	2
80–100 и более	Очень низкий	1

Примечание – Разработано авторами

2 этап. Определяются значения факторов неравенства региона (ФНР) путем расчета среднего арифметического от суммы баллов, присваиваемых частным показателям неравенства по формуле (2):

$$\text{ФНР}_n = (\sum_{n=1}^n \text{ЧПН}_n) / n \quad (2)$$

где ФНР_n – значение n -го фактора неравенства региона, балл;

ЧПН_n – значение n -го частного показателя регионального неравенства, балл;

n – количество частных показателей неравенства в разделе фактора неравенства региона.

3 этап. Следующий тип агрегированных индикаторов, а именно, сводных индикаторов неравенства происходит методом вычисления среднего арифметического среди показателей соответствующего раздела по формуле (3):

$$\text{СИН}_n = (\sum_{n=1}^n \text{ФНР}_n) / n \quad (3)$$

где СИН_n – агрегированное значение n -го сводного индикатора неравенства, балл;

ФНР_n – значение n -го фактора неравенства региона, балл;

n – количество факторов неравенства региона в разделе сводного индикатора.

4 этап. Рассчитывается интегральный индекс уровня регионального неравенства при помощи метода суммирования полученных значений сводных индикаторов неравенства, скорректированных на коэффициенты весомости (рассчитанные методом простого ранжирования) индикаторов по степени значимости для заинтересованных сторон по формуле 4:

$$\text{ИИнер.} = \sum_{n=1}^n (\text{СИН}_n * K_n), \quad (4)$$

где ИИ нер. – значение интегрального индекса регионального неравенства, балл;

СИН_n – агрегированное значение n -го сводного индикатора неравенства, балл;

K_n – коэффициент весомости n -го сводного индикатора неравенства в интегральном индексе регионального неравенства (рассчитываются методом простого ранжирования).

В целях обеспечения сопоставимости и нормирования показателей авторами предложена шкала балльной оценки частных показателей неравенства. Имеется возможность разработки дополнительных показателей для отдельных субъектов РФ.

С целью интерпретации результатов авторами разработана шкала сопоставления оценки регионального неравенства. Значение интегрального индекса регионального неравенства будет коррелировать с нормированными показателями неравенства по шкале от 0 до 5 баллов, который разделен на 5 интервалов с соответствующими характеристиками и интерпретацией: 4–5 (низкий уровень неравенства), 2–3 (средний уровень неравенства), 1–2 (высокий уровень неравенства).

Одной из проблем при реализации данного подхода может быть связана с достоверностью первичных показателей, поскольку объективность проведенных социологических исследований, достоверность экспертных мнений также может повлиять на полученные данные.

Из-за значительного уровня дифференциации регионов по стране сложно разработать унифицированную систему показателей, способную объективно оценить все тонкости и специфические аспекты жизни людей в разных субъектах РФ, учитывающих такие факторы, как этнические и религиозные особенности, культурное разнообразие и прочие важные характеристики.

Таким образом, предложенная нами система показателей по оценке регионального неравенства может быть рекомендована в качестве методической основы, учитывающей большое множество параметров развития. Целесообразно предусмотреть возможность дополнять данную методику показателями в зависимости от потребностей конкретного региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неравенство регионов представляет собой не столько их разность по статистическим показателям, сколько субъективно переживаемое большинством жителей региона недостаточные возможности для обладания значимыми благами и услугами для удовлетворения потребностей в принадлежности к привычным социальным статусам и потребности в их изменении (как правило, в повышении). С этих позиций ключевым фактором равенства или неравенства становится доступность значимых благ и услуг. Введение оценки доступности значимых благ и услуг в мониторинг развития регионов представляется необходимым. Проведение этой оценки (мониторинга) и учет результатов при принятии управленческих решений могут стать одним из путей снижения негативных последствий неравенства в регионах.

Проблемы, спровоцированные региональным неравенством, несут угрозу устойчивому развитию территории и ее общественно-политической стабильности. Неравенство характерно, как для развивающихся стран со слабой экономикой, так и для развитых государств мира.

При исследовании методики оценки неравенства регионов удобнее использовать группировку факторов на внутренние и внешние. Критически значимыми факторами оценивания, которые также могут повлиять на уровень развития региона, является степень региональной специализации, производственная структура, экспортные операции, уровень экономической эффективности компаний, длительность процесса индустриализации, цифровизация региональной среды, транспортно-логистические особенности территории и инновационный потенциал региона.

В качестве направлений совершенствования системы показателей регионального неравенства авторами предложена комплексная оценка неравенства регионов согласно разработанной системе показателей по расчету сводного индикатора регионального неравенства. Методика оценки неравенства регионов составлена с учетом выявления проблемных зон и возможности ее использования для принятия управленческих решений по их устранению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Поподько Г.И. Пути преодоления неравенства социально-экономического развития отсталых регионов (на примере республики Тыва) // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – №2. – С. 315-328.
2. Ибрагимова З.Ф., Франц М.В. Неравенство доходов, его субъективное восприятие и влияние на психосоциальное самочувствие населения // Социальная статистика. – Уфа. – 2018. – №4. – С.52-60.
3. Козырева П.М., Смирнов А.И. Масштабы и динамика социально-экономического неравенства в современной России // Социальные процессы в современной России. – 2018. – С. 290-318.
4. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. – 2013. – №6. – С.15-26.
5. Воейков М.И. К проблеме социально-экономического неравенства: экономическое и социальное // ВТЭ. – 2017. – №1. – С.8-21.
6. Пивень И.Г., Мартынова Т.А. Стратегическое управление социально-экономическим развитием региона // Новые технологии. – 2011. – № 2. – С. 17-24.
7. Шабунова А.А., Ласточкина М.А. Преодоление социального неравенства как импульс к социокультурной модернизации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – №3 (33). – С. 69-83.
8. Козловский В.А. Обеспечение устойчивого социально-экономического развития региона // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 12. – С. 131–137.
9. Разумовский В.Н., Севастьянов Д.В. Регионоведение и страноведение в структуре географической науки – Санкт-Петербург: Вестник СПбГУ, 2009. – 86 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionovedenie-i-stranovedenie-v-strukture-geograficheskoy-nauki> (дата обращения: 03.06.2020).
10. Платон. Государство/ Платон. – СПб: Наука, 2005. – 570 с.
11. Аквинский Ф. Сумма теологии. – М.: Элькор-МК, 2002. – 911 с.
12. Скот Д. Трактат о первоначале/ Блаженный Иоанн Дунс Скот. – М.: URSS: Красанд, 2010. –157 с.
13. Оккам У. Избранное/ Уильям Оккам. – М.: URSS: Едиториал, 2002. – 223 с.
14. Коперник Н. О вращениях небесных сфер. – СПб: Амфора, 2009. – 578 с.
15. Кузанский Н. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль. – Т. 1. – 1979. – 486 с.

16. Роттердамский Э. Воспитание христианского государя; Жалоба Мира, отовсюду изгнанного и повсюду сокрушенного; Похвальное слово Глупости. – М.: Мысль, 2001. – 365 с.
17. Гоббс Т. Левиафан/ Томас Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 476 с.
18. Локк Д. Избранные философские произведения: в 2 т.– М.: Изд-во соц.-экон. лит. – Т. 1. – 1960. – 731 с.
19. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М., Наука, 1969. – 709 с.
20. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2016. – 1056 с.
21. Юм Д. Исследование о человеческом разумении. – М.: Прогресс, 1995. – 237 с.
22. Mills M. Globalization and Inequality – URL: https://www.researchgate.net/publication/228269303_Globalization_and_Inequality (дата обращения: 03.04.2020).
23. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М., Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.
24. Стиглиц Д. Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения. – М., Эксмо, 2016. – 480 с.
25. Киссинджер Г. Мировой порядок. – М., АСТ, 2015. – 512 с.
26. Кант И. Критика чистого разума. – Минск: Литература, 1998. – 959 с.
27. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов/ Адам Смит. – М.: Эксмо, 2007. – 956 с.
28. Mill J., Bentham J. Utilitarianism and other essays – Harmondsworth: Penguin books, 1987. – 344 p.
29. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. – М.: Политиздат, 1978-1986. – 1079 с.
30. Кирдина С.Г. Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике // Пространственная экономика. – 2016. – №3. – С.133-150.
31. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные? Происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: ЭКСМО, 2017. – 720 с.
32. Паршев А.П. Почему Россия не Америка? Книга для тех, кто остается здесь. – М.: Крымский мост-9Д, 1999. – 373 с.
33. Паршев А.П. Как России обогнать Америку. – М.: Алгоритм, 2013. – 240 с.
34. Милов Л.В., Паршев А.П. Почему Россия не стала Европой. – М.: Алисторус, 2016. – 270 с.

35. Замятин Д.Н. Геоспациализм. Онтологическая динамика пространственных образов // Метод. – 2012. – №3. – С.191-217.
36. Замятин Д.Н. Пространство и цивилизация в зеркале гуманитарной географии // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №9. – С. 99-107.
37. Региональная политика. / В.В. Комлева и др. – М.: Город XXI век, 2017. – 320 с.
38. Christaller W. Die Zentralen Orte in Süddeutschland. Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmäßigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischer Funktion. Nachdruck der Ausgabe von 1933. – Darmstadt, 1980. – 331 s.
39. Friedmann, J. Urbanization, Planning, and National Development. – Beverly Hills, CA: Sage. 1973. – Pp. 41–67.
40. Перру, Ф. Экономическое пространство: теория и приложение // Пространственная экономика. – 2007. – № 3.
41. Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/geography/text/3156352> (дата обращения: 02.02.2020).
42. Lasue' n J. R. Urbanisation and development. The temporal interaction between geographical and sectoral clusters. – Urban Studies, 1973. – Pp. 163–188.
43. Гаджиев Ю.А. Неоклассические и кумулятивные теории регионального экономического роста и развития // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2008. – №1. – С. 6-23.
44. Ленторп Б. Диффузия инноваций как пространственный процесс // Ключевые тексты в гуманитарной географии: пер. с. англ.яз. – М.: МГУ, 2010. – С. 15-24.
45. Подшибякина Т.А. Теория диффузии инноваций и практика реализации инновационной политики в России // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. Том 5. – № 6А. – С. 129-137.
46. Glaeser E. L. Triumph of the city: how our greatest invention makes us richer, smarter, greener, healthier, and happier // The Penguin Press. – New York. – 2011. – 338 p.
47. Storper M.. Separate Worlds? Explaining the current wave of regional economic polarization // Journal of Economic Geography. – 2018. – P.247-270.
48. Scott A., Storper M. Regions, globalization, development // Regional Studies.- 37(6-7). – 2003. – P. 579-593.

49. Гафарова Е.А. Эмпирические модели регионального экономического роста с пространственными эффектами: результаты сравнительного анализа // Вестник Пермского университета. Серия Экономика. – 2017. Т.12. – №4. – С.561-574.
50. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. – 2013. – №6. – С.15-26.
51. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Региональное неравенство в крупных постсоветских странах // Известия РАН. Серия Географическая. – 2011. – №1. – С.17-30.
52. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика за десятилетие экономического роста // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2009. – №1-2. – С.161-174.
53. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. – 2014. – №4. – С.7-27.
54. Казаченко Л.Д. Неоклассические теории регионального роста // Вестник-экономист ЗабГУ. – 2013. – №6. – С.1-10.
55. Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 304 с.
56. Кузнецова О.В., Кузнецов А.В. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – 137 с.
57. Leontief W. Domestic Production and Foreign Trade; The American Capital Position Re-Examined // Proceedings of the American Philosophical Society. – 1953. Vol.97. – №4. – Pp.332-349.
58. Hirschman A. The Strategy of Economic Development. – Yale University Press. New Haven, 1958. – 217 p.
59. Richardson H.W. Regional Growth Theory. – London: Macmillan, 1973.
60. Giersch H. Aspects of Growth, Structural Change, and Employment: A Schumpeterian Perspective // Review of World Economics (Weltwirtschaftliches Archiv). – 1979. Vol.115. – Issue 4. – Pp. 629-652.
61. Гареев Т.Р. Современное состояние теории полюсов развития в региональной науке. Деп. рукопись, ВИНТИ, №1624-В2003, 26.08.2003
62. Пилясов А.Н. Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России // Региональные исследования. – 2011. – №1 (31). – С.3-31.

63. Манаков А.Г. «Новая экономическая география» и оценка ее применимости в России // Вестник Псковского государственного университета. Серия Естественные и физико-математические науки. – 2012. – №1. – С. 84-90.
64. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. – 1953. – №1. – P.1–28.
65. Krugman, P. Geography and Trade. – Cambridge: MIT Press/Leuven University Press, 1991.
66. Copus, A. K. From core-periphery to polycentric development. – Concepts of spatial and aspatial peripherality, European Planning Studies, 2001. – Pp. 539–552.
67. Nitz, H. J. Der Beitrag der historischen Geographie zur Erforschung von Peripherien, in: H. N. Nolte (Ed.) – Europa'sche Innere Peripherien im 20, Stuttgart: Jahrhundert. Steiner. 1997. – Pp. 17–36.
68. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. – М.: Эксмо, 2008. – 960 с.
69. Мальтус Т. Р. Опыт закона о народонаселении; пер. И. А. Вернер. – М.: К. Т. Солдатенков, 1995. – 321 с.
70. Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии / пер. с англ., биограф. очерк М. И. Туган-Барановского. – М.: Эксмо, 2007. – 1040 с.
71. Маркс К., Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. // Сочинения. 2-е изд. – М., 1955. – Т. 21.
72. Маркс К., Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Манифест коммунистической партии. – М.: ИТРК, 2016. – 68 с.
73. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990.– 808 с.
74. Парсонс Т. О социальных системах. – Москва: Академический Проект, 2002. – 831 с.
75. Therborn G. Inequalities of the World: New Theoretical Frameworks, Multiple Empirical Approaches. – London: Verso, 2006. – 332 p.
76. Полякова Н.Л. Новые горизонты теории общества начала XXI в.: от постиндустриализма к неокapитализму // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2016. Т.22. – №2. – С.83-115.
77. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Академия, 1999. – 944 с.

78. Терборн Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // Социологическое обозрение. – 2005. Т.4. – №1. – С.31-62.
79. Мартыненко Т.С. Глобальная социология Г.Терборна: теория социальных неравенств // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. – 2015. – №1. – С.185-193.
80. Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
81. Мартыненко Т.С. Социальное неравенство в социологической теории Зигмунта Баумана // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2019. Т.25. – №1. – С.29-41.
82. Rifkin J. The Age of Access: the New Culture of Hypercapitalism, Where All of Life is a Paid-for Experience. – New York: J.P. Tarcher/Putnam, 2000. – 312 p.
83. Lewin K. Field Theory in Social Science: Selected Theoretical Papers. – New York: Harper & Brothers, 1951. – 346 p.
84. Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск, Издательство Новосибирского университета, 1995. – 370 с.
85. Сен, А. Идея справедливости / пер. с англ. Д.Кралечкина; науч. ред. перевода В.Софронов, А.Смирнов. – М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 520 с.
86. Гонтарь Н.В. Подходы к формированию концепции территориальной справедливости // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2013. Вып.2. – С.245-259.
87. Ferrarotti F. The myth of inevitable progress. – Westport; L.: Greenwood press, 1985. – 208 p.
88. Friedmann, J. Urbanization, Planning, and National Development. – Beverly Hills, CA: Sage. 1973. – Pp. 41–67.
89. Хакимов А. Х. Факторы пространственного неравенства регионов и региональная экономическая политика // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2017. – №12-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-prostranstvennogo-neravenstva-regionov-i-regionalnaya-ekonomicheskaya-politika> (дата обращения: 03.05.2020).
90. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России. // Журнал "ЭКО". – 2014. – № 4. – С. 7-27. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0601/analit05.php> (дата обращения: 14.05.2020).
91. Krugman P.R. Geography and Trade. – Cambridge (Mass.), 1991. – P. 483-489.
92. Зубаревич Н.В. Проблема социального неравенства регионов: возможно ли реальное смягчение? // Управленческое консультирование. – 2009. – №3. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sotsialnogo-neravenstva-regionov-vozmozhno-li-realnoe-smyagchenie> (дата обращения: 04.05.2020).

93. Растворцева С.Н., Усманов Д.И. Оценка влияния факторов глобализации на социально-экономическое неравенство регионов России: Монография. – Белгород: КОНСТАНТА, 2015 – 260 с.

94. Abreu M. (2019) Neoclassical Regional Growth Models. In: Fischer M., Nijkamp P. (eds) Handbook of Regional Science. Springer, Berlin, Heidelberg. – 2019. – P. 1-23.

95. Aurel I. Real Convergence and Integration // Romanian Journal of European Affairs – 2007. – Vol. 7, No. 4. – P.23.

96. Munich Personal RePEc Archive // Theoretical approaches of regional development. – URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/60287/32/MPRA_paper_59969.pdf (дата обращения: 06.03.2020)

97. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – URL: <http://www.oecd.org> (дата обращения: 17.05.2020).

98. Eurostat. News release. // Euro indicators. 106/2019 – 1 July 2019. May 2019. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/9935256/3-01072019-AP-EN.pdf/fdd80b34-6c9d-43a2-b2c0-2ce9d4dc3c9c> (дата обращения: 19.05.2020).

99. Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики: Росстат – URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения: 23.05.2020).

100. Widening Gaps: Regional Inequality within Advanced Economies // International Monetary Fund (IMF) – URL: <https://blogs.imf.org/2019/10/09/widening-gaps-regional-inequality-within-advanced-economies/> (дата обращения: 17.05.2020).

101. Eurostat. // Statistic Explained. – URL: [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=File:Gross_domestic_product_\(GDP\)_per_inhabitant,_by_NUTS_2_regions,_2016_\(based_on_data_in_purchasing_power_standards_\(PPS\)_in_relation_to_the_EU-28_average,_EU-28_=_100\)-RYB18.png](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=File:Gross_domestic_product_(GDP)_per_inhabitant,_by_NUTS_2_regions,_2016_(based_on_data_in_purchasing_power_standards_(PPS)_in_relation_to_the_EU-28_average,_EU-28_=_100)-RYB18.png) (дата обращения: 13.05.2020).

102. Захаров А.Н., Серединская К.А. Анализ региональной политики ЕС на примере Испании // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – №8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-regionalnoy-politiki-es-na-primere-ispanii> (дата обращения: 28.05.2020)

103. Bachtler J., Méndez C., Vironen H. Regional development and policy in Europe. – Madrid: EUROsociAL Programme, 2014. – 88 p. – URL: <http://www.sia.eurosocial-ii.eu/files/docs/1400661224-E2.pdf> (дата обращения: 24.05.2020).

104. Сидоренко О.В., Бондаренко Т.Н. Селективная региональная политика государства // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2014. – №3 (27). – URL: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/1133/files/27-110.pdf> (дата обращения: 28.05.2020)
105. Сидоренко О.В., Леонов С.Н. Селективная и общерегиональная политика зарубежных стран: закономерности и особенности реализации // Федерализм. – 2013. – №2. – С. 63–78. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19143412> (дата обращения: 28.05.2020)
106. Schumpeter J. A. *Socialism, capitalism and democracy*. – Harper and Brothers, 1942.
107. Lundvall B. A. et al. *National systems of innovation: towards a theory of innovation and interactive learning*. – 1992.
108. List F. *The National System of Political Economy (1841)* //English edition Longman, London. – 1904.
109. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The dynamics of innovation: from National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of university–industry–government relations //Research policy. – 2000. – Т. 29. – №. 2. – С. 109-123.
110. Isaksen A. Building regional innovation systems: is endogenous industrial development possible in the global economy? //Canadian journal of regional science. – 2001. – Т. 24. – №. 1. – С. 101-120.
111. Freeman C. The ‘National System of Innovation’ in historical perspective //Cambridge Journal of economics. – 1995. – Т. 19. – №. 1. – С. 5-24.
112. Ohmae K. The rise of the region state //Foreign Aff. – 1992. – Т. 72. – С. 78.
113. Porter M. E. et al. *Clusters and competition: New agendas for companies, governments, and institutions*. – 1998.
114. Doloreux D. What we should know about regional systems of innovation //Technology in society. – 2002. – Т. 24. – №. 3. – С. 243-263.
115. Cooke P. et al. Regional innovation systems: concepts, analysis and typology //EU-RESTPOR Conference" Global Comparison of Regional RTD and Innovation Strategies for Development and Cohesion". Brussels. – 1996. – С. 19-21.
116. Cooke P., Morgan K. 1998: *The associational economy: firms, regions, and innovation*. Oxford: Oxford University Press. – 1998.
117. Doloreux D., Parto S. Regional innovation systems: Current discourse and unresolved issues //Technology in society. – 2005. – Т. 27. – №. 2. – С. 135.

118. Doloreux D. Regional innovation systems in the periphery: The case of the Beauce in Québec (Canada) //International Journal of innovation management. – 2003. – Т. 7. – №. 01. – С. 67-94.
119. Asheim B. T., Grillitsch M., Tripl M. Regional innovation systems: Past–present–future //Handbook on the geographies of innovation. – Edward Elgar Publishing, 2016.
120. Soares M. C. C., Scerri M., Maharajh R. (ed.). Inequality and development challenges: BRICS national systems of innovation. – Taylor & Francis, 2018.
121. Zaichenko S. National Innovation System and Inequality in Russia //Inequality and development challenges: BRICS national systems of innovation. – 2014. – С. 80-148.
122. АИРР. Рейтинг инновационных регионов России. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya/2018>
123. European Commission. Regional Innovation Scoreboard, Methodology Report. 2019. P. 5-11, 22-24. – URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/37783>
124. OECD. Regional innovation statistics. – URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=REGION_INNOVATION (дата обращения 10.09.2020)
125. StatsAmerica. Innovation 2.0 Project [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statsamerica.org/ii2/>
126. Wong, P. K., Ho, Y. P., & Autio, E. (2005). Entrepreneurship, Innovation and Economic Growth: Evidence from GEM data. *Small Business Economics*, 24(3), 335–350. doi:10.1007/s11187-005-2000-1
127. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация: монография. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
128. Буфетова, А.Н. Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 4. – С.55-68.
129. Мельников Р.М. Проблемы теории и практики государственного регулирования экономического развития регионов: монография. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – 209 с.
130. Латышева М.А. Экономическое моделирование неравенства социально-экономического развития регионов РФ : диссертация канд. экон. наук: 08.00.13 / М. А. Латышева – Воронеж, 2010. – 195 с.
131. Крамин М.В., Крамин Т.В., Тимирясова А.В. Неравенство в доходах как фактор экономического роста и инвестиционной привлекательности российских регионов

//Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2013. – № 2. – С. 31-44.

132. Шевяков А.Ю., Кирута Я. Экономическое неравенство, уровень жизни и бедность населения России. Методы измерения и анализ причинных зависимостей. – М.: РПЭИ, 2001. – 84 с.

133. Дробышевский С., Луговой О., Астафьева Е. Факторы экономического роста в регионах РФ – М.: ИЭПП, 2005. – 278 с.

134. Литвинцева Г.П., Стукаленко Е.А., Воронкова О.В. Оценка неравенства официальных и скрытых доходов населения с учетом покупательной способности рубля в регионах России // Экономика региона. – 2010. – № 4. – С. 7-15.

135. Клявин А.А. Социально-экономическое неравенство и его влияние на экономический рост // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2016. – №12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-neravenstvo-i-ego-vliyanie-na-ekonomicheskii-rost> (дата обращения: 27.05.2020).

136. Глущенко К.П. Методы анализа межрегионального неравенства по доходам // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 1. – С.55-59.

137. Халиков М.А., Минин Д.В. Методика комплексной оценки уровня социально-экономического развития регионов Российской Федерации и направления ее совершенствования // Региональная экономика: теория и практика. – 2007. – №7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-kompleksnoy-otsenki-urovnya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regionov-rossiyskoy-federatsii-i-napravleniya-ee> (дата обращения: 30.04.2020)

138. Кривая Лоренца и коэффициент Джини – URL: <http://www.sociologydeep.ru/sdps-269-1.html> (дата обращения: 17.05.2020).

139. Новости Бюджета России // Бюджетная система Российской Федерации. – URL: www.budgetrf.ru. (дата обращения: 23.05.2020)

140. Индексы социального самочувствия // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) – URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/ (дата обращения: 23.05.2020).

141. Распоряжение Правительства РФ от 10.07.2001 N 910-р (ред. от 06.06.2002) о программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002 – 2004 годы)» – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=37089&fld=134&dst=101027,0&rnd=0.4275569057905346#09438145242152642> (дата обращения: 07.04.2020).

142. Мишустин пообещал выделить по 5 млрд руб. на развитие проблемных регионов – URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/02/2020/5e4a37819a79478104f8ff8b> (дата обращения: 07.04.2020).
143. Официальные статистические показатели // ЕМИСС Государственная статистика. – URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 07.04.2020).
144. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 22.04.2020) // СПС Консультант Плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/42df670934cd2c8f62a9ef153b2826b4d39b3ff4/ (дата обращения: 07.04.2020).
145. Результаты распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2019 год и плановый период 2020 и 2021 годов // Минфин России Официальный сайт. – URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=124762-rezultaty_raspredeleniya_dotatsii_na_vyravnivanie_byudzhethoi_obespechennosti_subektov_rossiiskoi_federatsii_na_2019_god_i_planovyi_period_2020_i_2021_godov (дата обращения: 07.04.2020).
146. Индекс развития инфраструктуры России 2019 // InfraOne Research. – URL: https://infraone-research.ru/index_id/2019 (дата обращения: 19.04.2020)
147. Распоряжение Правительства РФ от 10.04.2020 N 972-р «Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Тыва на 2020-2024 годы» // СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=549754#04802810424189723> (дата обращения: 19.04.2020)
148. Минимальный размер оплаты труда в Российской Федерации // СПС Консультант Плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15189/ (дата обращения: 06.04.2020).
149. Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики: Росстат – URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения: 06.04.2020)
150. Размеры минимальной заработной платы в субъектах Российской Федерации // СПС Консультант Плюс. – URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения: 07.04.2020)

151. Уровень безработицы (по методологии Международной организации труда) в феврале 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики: Росстат – URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения: 06.04.2020)

152. Минтруд предложил поднять пособие по безработице до прожиточного минимума // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/04/2018/5ad5b47f9a7947c2b45fa042> (дата обращения: 06.04.2020). Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики: Росстат – URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения: 06.04.2020).

153. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.03.2020 № 346 "О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2020 год" // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003300022> (дата обращения: 06.04.2020).

154. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 N 296 (ред. от 31.03.2020) "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Социальная поддержка граждан" // Правительство РФ. – URL: <http://government.ru/docs/11930/> (дата обращения: 06.04.2020).

155. Крошилин С.В., Леонова Ж.К., Медведева Е.И., Иванина В.М. Типологические особенности экономического развития регионов России в условиях развития непрерывного образования. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – №6. – С.78-90.

156. Абдрахманова Г.И., Артемов С.В., Бахтин П.Д. Рейтинг инновационного развития субъектов РФ. Выпуск 6. / Под ред. Л. М. Гохберга. – М.: НИУ ВШЭ, 2020.

157. Головин В.А. Основы кластерной теории развития региона. // Рыночная трансформация экономики России: проблемы, перспективы, пути развития (IV Всероссийская научно-практическая конференция). – М.: ИНФРА-М, 2015. – С. 19-23.

158. Transport in the European Union Current Trends and Issues. – URL: <https://ec.europa.eu/transport/sites/transport/files/2018-transport-in-the-eu-current-trends-and-issues.pdf> (дата обращения 15.07.2020)/

159. Платформа для публикаций Pandia.ru. – URL: <https://pandia.ru/text/77/435/1327.php> (дата обращения 28.05.2020)

160. Рожко О.Н. Оценка логистического потенциала региона. – URL: <http://www.vestnykeps.ru/0315/17.pdf> (дата обращения: 19.05.2020)

161. Лавриненко П.А., Ромашина А.А., Степанов П.С., Чистяков П.А. Транспортная доступность как индикатор развития региона // Проблемы прогнозирования. – 2019. – №6 (177). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transportnaya-dostupnost-kak-indikator-razvitiya-regiona> (дата обращения: 07.10.2020).
162. Федеральная службы государственной статистики за 2018 год, Транспорт в России. 2018: Стат.сб./Росстат. – Т65.- М., 2018. – 101 с.
163. Транспортная доступность как индикатор развития региона / П.А. Лавриненко [и др.] // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 6. – С. 136-146
164. Morgan. S. Regional disparities // Aspects of geography. – 1982– P.40